

Валерий Мусиенко

ПРИИСК
НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ
КОЛЫМЫ

Валерий Мусиенко

Прииск на левом берегу Колымы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73849132

Аннотация

Рассказы «И умирают они тоже стоя», «Цена металла» и «Обычный мамонт» опубликованы в литературно-художественных альманахах «На Севере Дальнем» (магадан) в 2019, 2020, 2021 годах; повесть «За сеном» и рассказ «Самородок из закола» в литературно-художественном общественно-политическом журнале территории «Колымские просторы» (Магадан) в 2020 и 2021 годах; рассказ «Снежинки на ладонях» в литературно-художественном журнале «Изящная словесность» (Санкт-Петербург) в 2020 году.

Рассказ «Снежинки на ладонях» поощрен Дипломом лауреата III степени в номинации «Проза» в Магаданском региональном творческом фестивале-конкурсе «Русский лад -2019» (Всероссийское созидательное движение).

Рассказ «Димкин Клондайк» занял первое место в номинации «Рассказ» в литературном конкурсе МВД России «Доброе слово» в 2022 году, проводимом на региональном уровне в УВД Магаданской области.

Содержание

За сеном	7
1. Сборы	8
2. Отплытие. Курс – на Кюель-Сиен	12
3. Прибытие на место	22
4. Знакомство с Иванычем	26
5. Начало просеки	33
6. Вот и сено	40
7. Ремонт саней	46
8. На охоту	48
9. Холодает	55
10. Погрузка сена	57
11. Обновление меню	59
12. Поломка «Пассажира»	65
13. Ожидание	68
14. Последняя стоянка бульдозера	70
15. Начало пути	73
16. Вверх по ручью Дачный	76
17. На Сибик	83
18. Ночь у сторожей	91
19. Последний переход. Разведка	94
20. Дорогу осилит идущий	99
21. Мы дома	111
Забастовка	118

И умирают они тоже стоя	132
Обычный мамонт	146
Скважины с секретом	160
Конец ознакомительного фрагмента.	176

Валерий Мусиенко

Прииск на левом берегу Колымы

© Мусиенко В., 2022

Эта книга, в художественных повестях и рассказах, на основе реальных событий, знакомит читателя с последними годами работы золотодобывающего колымского прииска «Имени «40 лет Октября» и его тружениками, добывавшими на этом предприятии валютный металл для страны, в период с 1990 по 1995 годы.

Рассказы и повести о работниках прииска, простых горняках. Ведь истинное золото Колымы – это ее люди, которые в условиях вечной мерзлоты и постоянных лишений, сумели сохранить тепло своих душ и горячих сердец. Книга о дружбе, взаимовыручке и специфическом чувстве юмора колымчан, который согревает их в самые лютые северные морозы. О неповторимой природной красоте этого сурового дивного края.

Возможная угадываемость отдельных героев рассказов и повестей обусловлена схожестью человеческих характеров и судеб, специфичностью ситуации, сложившейся, на тот момент, на всех золотодобывающих предприятиях территории Магаданской области. Некоторые сюжетные линии и диалоги

персонажей являются авторской выдумкой либо домыслом реально произошедших событий.

В настоящее время очень мало встречается источников информации о приiske «Имени «40 лет Октября» и о его базе – погибшем горнячком поселке Мой-Уруста Тенькинско-го района Магаданской области. И вообще – очень печалит, что практически исчезли книги о людях труда. Эта книга – слабая попытка устранить такую несправедливость.

Сейчас я думаю, что это предприятие было уникальным. Уходящая натура. Сейчас так уже не работают и работать не будут. А в то время это был самый обычный прииск. Прииск на левом берегу Колымы.

Посвящается работникам прииска «Имени «40 лет Октября», жителям поселка Мой-Уруста.

Живым и памяти тех, кого уже нет сейчас рядом с нами.

Кого безжалостно забрали годы и болезни, несчастные случаи в быту и на производстве, а также рука недоброго человека...

За сеном

*«За морем телушка – пол ушка, да рубль
перевоз...»*

(Русская народная пословица)

1. Сборы

Руководством прииска нам на сборы было отпущено целых четыре дня. Нам бы хватило и двух. Но нас задержала поломка нашего приискового флота, который должен был доставить нас по Колымскому водохранилищу в устье небольшой, но бурной в своих верховьях, реки Кюель-Сиен, являющейся единственной рекой, вытекающей из воистину жемчужины Магаданской области, озера Джека Лондона, протекая по пути еще через одно озеро дивной красоты – озеро Танцующих Хариусов.

Задача нам была поставлена простая – добраться по Колымскому водохранилищу до указанного места, доставив туда на паромекатамаране наш бульдозер, которым нужно было перевезти на катамаран и уложить на его палубе двадцать тонн сена, накошенного, уложенного там же, еще летом, в копны и ожидающего, когда мы привезем его для нашего приискового подсобного хозяйства, чтобы было чем кормить наших буренок долгой колымской зимой. Потом прибыть обратно. С сеном и бульдозером. Все просто и понятно.

А пока мы – Виктор Фартов, Серега Кум, мой друг Серега Белый и я – экипаж старенького бульдозера Т-170, готовили своего железного монстра к последней в его жизни миссии. Дело в том, что бульдозер был древний, шел под списание, поэтому его после нашей поездки было решено отпра-

вить в районный центр, поселок Усть-Омчуг, для проведения капитального ремонта. Хотя отремонтировать такую старую машину, как было понятно из сложившейся практики, никто там не стал бы. Просто сняли бы еще хоть на что-нибудь пригодные узлы и детали, а оставшееся железо пошло бы в металлолом. Словно зная о своей судьбе, наш бульдозер печально стоял у здания ЦРГО (цех ремонта горного оборудования), в котором для нас не оказалось свободного места, так как на дворе стоял сентябрь и постепенно весь цех был занят ремонтируемой после напряженного промывочного сезона техникой, в основном такими же бульдозерами. И хотя деньки стояли погожие, и промсезон еще не закончился, обычного напряжения не было, план по добыче золота прииском был давно выполнен. Все золото, что намывалось прииском в эти дни, до наступления морозов, пока течет вода, шло как сверхплановое, что тоже весьма одобралось районным руководством «Тенькинского ГОКа», а также областным «Объединением «Северовостокзолото», но оплачивалось уже гораздо скромнее. Поэтому особо напрягаться прииску резона не было, нужно было готовиться к зиме, а она на Колыме всегда непростая, особенно у такого населенного пункта как поселок Мой-Уруста, который находится на левом берегу Колымского водохранилища, вдали от всего района. И полностью летом зависит от навигации, а зимой от «зимника», нашей ледовой «дороги жизни».

А сейчас, в середине сентября, по ночам уже были замо-

розки, на лужах лед становился с каждым утром все толще, а с каждым днем все позже таял. Лужи, которые днем находились в тени, иной раз и не таяли за весь день. Мы дружно протянули гайки на нашем бульдозере, даже на башмаках гусениц, смазали подшипники, добавили масла в двигатель, коробку передач, бортовые редукторы и гидробаки. Кое-что укрепили электросваркой. В общем, были готовы. Хотя состояние бульдозера и вызывало легкое беспокойство. Бесконечно что-то ломалось, лопалось, отваливалось. Он норовил разуться прямо на дороге, так как катки и сами гусеничные цепи были порядком изношены за время промсезона. В общем, наш старичок вредничал и капризничал. Работать в карьере до полного окончания промсезона он уже физически не мог, да и не хотел, судя по всему. Поэтому и был отправлен на «легкий труд».

Вся горная техника окрашивается заводом-изготовителем в яркий желтый цвет. Во время ремонтов и капремонтов цвет обновляют, но не меняют. На боковых дверцах бульдозеров и сзади, на топливном баке, крупными белыми цифрами через трафарет пишется номер машины. Наш же бульдозер, с непонятно какой целью, прежним экипажем был любовно выкрашен в тоскливый темнозеленый цвет, в результате чего получил имя собственное – Крокодил Гена. Что бывает не часто, только в исключительных случаях. По бортовому номеру нас никто уже не называл, все другие бульдозеристы зубоскалили по поводу нашего цвета, единствен-

ного на всем прииске. Благодаря этому нашу машину можно было легко узнать за километр и больше.

Мы получили аванс в размере десяти тысяч рублей на экипаж, на покупку продуктов. Для осени 1992 года это были очень даже неплохие деньги, особенно если учесть, что уже два года как начались задержки с выплатой зарплаты. Серега Кум даже успел на радостях пару дней дома «попраздновать» по этому поводу. Единственное чего нам не дали, несмотря на наши неоднократные настойчивые просьбы, это утеплитель на капот бульдозера. Руководство нас «отшило» со словами, что едем мы дня на четыре, не более. За это время таких сильных морозов еще не будет, перебьемся без утеплителя эти дни, а там бульдозер отправят в «капиталку». Бульдозеристы с других машин ёрничали, что якобы видели, что руководство прииска наш утеплитель по домам растащило, на зиму утеплять входные двери своих квартир, что возможно было недалеко от истины.

2. Отплытие. Курс – на Кюель-Сиен

Наконец, на четвертый день, мы пригнали наш бульдозер на причал, заехав по пути в продуктовый магазин и сделав запас продуктов. На причале нашего прииска «Им. 40 лет Октября», базирующегося в поселке Мой-Уруста, расположенного на берегу Колымского водохранилища, нас уже ожидали Серега Желудев и Саня Бычков, наши капитаны – судоводители катамарана. Руководил нашей экспедицией помощник директора прииска Денис Павлович, или просто Палыч, как мы его сокращенно называли. Палыч больше всех рвался поскорей отчалить, рассказывал нам, какие там богатые на дичь места и какая там шикарная будет рыбалка. Особенно он хвалился, что неоднократно вылавливал там налимов вот таких размеров. При этом он разводил руки как можно шире. А в его глазах читалась давняя тоска о том, что у него не самые длинные руки на прииске.

– А где мы это сено искать там будем? – начал интересоваться Серега Кум.

– Там на месте два сенокосчика, которые по договору с прииском его косили. Они нам сено передадут и помогут загрузить. Мы так договаривались – успокоил Палыч.

– Так может взять хоть пару вил с собой? Быстрее управимся – не унимался хозяйственный Кум.

– Не надо, там все есть, всем инструмента хватит, отчали-

ваем.

Что касается нашего водного средства передвижения, тут необходимо отдельное пояснение. В свое время у прииска имелся флот, состоящий из двух тудяг катеров (речных буксиров), которые таскали в поселок Обо (18 километров от Мой-Уруста по воде) на правый берег Колымское водохранилище паром, грузоподъемностью 200 тонн. Навигация была короткой, с конца июня, когда таял лед на водохранилище и до октября, когда уже лед следующей зимы сковывал водохранилище до следующего лета.

Паром делал не менее трех рейсов на Обо и обратно на Мой-Уруста, завозя на прииск горную технику, уголь, запас стройматериалов и запчастей, запас взрывчатки для ведения горных работ, топлива, продуктов. От нас вывозили только добытое на нашем берегу золото, иногда металлолом, технику в «капиталку», личные вещи тех, кто решил навсегда порвать с Колымой и перебраться в более теплые и уютные края.

В помощь имеющемуся флоту прииском были закуплены три узких и длинных речных теплохода сухогруза. Наши мастера-самоделкины лихо, с помощью газовой сварки, порезали корпуса двух из них на три части, вынув середину каждого из них и укоротив их на треть. Потом они их сварили в единое целое, вварив между ними палубу, одну на двоих (получился катамаран, который мы так и называли – «Катамаран»), на которую можно было загнать пару «Камазов», а

между ними поставить «Камаз» с прицепом. Эту палубу нам предстояло заполнить двадцатью тоннами сена и вернуться обратно, на Мой-Уруста. Третий теплоход тоже подвергся небольшой переделке. Его длинный трюм был накрыт деревянной остекленной конструкцией. В трюме в два ряда у стен установлены жесткие деревянные кресла из клуба. Получился пассажирский водный транспорт с вместительной каютой. Дешево и сердито. Зато в любую погоду можно было перевозить на другой берег пассажиров. Этот катер все называли «Пассажиром», что было вполне логично.

Когда мы пригнали наш лязгающий гусеницами и грохочущий бульдозер на причал, оба катериста, как мы называли Серегу Желудева и Саню Бычкова, уже нас ждали. Они даже успели достать и смотать рыболовные снасти, которые привязывали на время стоянок прямо к борту своего плавсредства. В ведре лежал улов – несколько средней величины налимов, закидушки смотаны и сложены у борта «Катамарана», к которому с бортов за кнехты были привязаны еще два катера.

– Ну что, прибыли танкисты? – обрадовался Серега.

– Да вас все ждали, пока починитесь! – огрызнулся Серега Кум.

– Загоняйте свою самоходку, выставляйте по центру палубы, другого груза нет и не предвидится. Так что центруйте. А продуктов набрали! Вы там что, зимовать собрались? На несколько дней же едем – удивился Серега, разглядывая, как

мы деловито из кабины бульдозера перетаскиваем на палубу коробки с продуктами.

– И даже картошки сетку захватили! Ну, теперь живем! – не унимался Серега.

– А вы хоть пару вил взяли? Чем сено грузить будете? – поинтересовался Кум.

– Палыч сказал, все там, на месте нас уже дожидается. А мы грузить и не собираемся. Наше дело пароход охранять, пока вы там, в тайге, свою солому грузить будете. Мы в это время с Саней порыбачим. Палыч нам обещал прикормить местечко. – Серега весело подмигнул напарнику.

– Нам он тоже много чего обещал – Кум угрюмо посмотрел на Палыча, который довольно прохаживался вдоль противоположного борта. Палычу явно не терпелось выйти в открытое море, как мы иногда называли наше водохранилище, так как размеры его были колоссальны, особенно по сравнению с прежними размерами стремительной и своенравной Колымы.

– Мы на «Катамаран» с санейволокуш поможем выгрузить сено, когда подвезете, но от катеров ни ногой – вставил Саня.

Тем временем Виктор загнал и выставил по центру палубы «Катамарана» наш многострадальный бульдозер, выставил на нем минимальные обороты дизеля и выскочил из кабины, захлопнув дверцу.

– А что, глушить своего монстра не будете? Так и будет тархтеть всю дорогу? – поинтересовался Серега у Виктора.

– Нет, потом заводится хреново. Отчаливаем? Сколько в пути будем? – в свою очередь поинтересовался Виктор.

– Четырепять часов, если встречный ветер не поднимется и штормить не станет. Но пока полный штиль. Ну что, молодежь, на аппарель?! – кивнул Серега мне и Сереге Белому.

Мы с Белым дружно навалились на ручки лебедок, лихо задрав аппарель, соединяющую Катамаран с берегом. После чего катеристы разошлись по катерам, привязанным канатами к нашему «Катамарану» с обеих сторон. Катера затарахтели дизелями, выпустив из выхлопных труб клубы черного дыма, мы отошли задним ходом от берега метров на пятьдесят, развернулись и направились в сторону противоположного берега по нашему заливу, образованному бывшим руслом реки Эльгенья.

На открытой воде сразу стало холодно и неудобно, хоть сильного ветра не было, но остывающая вода Колымского водохранилища во второй половине сентября, это все-таки не Сочи и не Крым. Мы дружно набились в теплую рубку. Тут наши морские волки провели краткий ликбез. Нам объяснили, что «Катамаран» своим ходом передвигаться в настоящее время не способен. Потому что хоть и стоят на каждом из двух его катеров по «Белазовскому» двигателю в четыреста лошадей каждый, чего было бы более чем достаточно, но в настоящее время произошел форсмажор. На одном катере «Катамарана» двигатель исправен, но полетела коробка передач. На втором катере коробка целая, но двигатель

«показал руку дружбы» как нам объяснил Серега катерист, для наглядности красноречиво сжав пальцы правой руки в кулак, подняв его выше головы и положив ладонь левой руки на бицепс своей правой руки. Просто и доходчиво. Забегая вперед скажу, что позже, когда я спускался в моторное отделение этого катера, видел пробитый блок двигателя, через отверстия которого были видны шатуны, с расположенными на их концах поршнями. Выглядело это примерно так, как и показал Серега.

Поэтому наш «Катамаран» буксировали два катера – небольшой «Малыш», пришвартованный канатом с правого борта и «Пассажир» с левого борта. Выглядело это довольно громоздко и нелепо. Как четыре скрепленных борт к борту катера, посередине небольшой просвет палубы «Катамарана», со стоящим на ней бульдозером. Вся эта флотилия жаждала загрузиться сеном, после чего победно причалить в родной бухте.

Наши катеристы открыли нам еще один, а вернее два секрета нашего плавания. Или, как говорят моряки и речники – хождения по водам внутренних водоемов. Оказалось, что у «Пассажира», при движении назад, выбивает заднюю скорость. И когда окончательно коробка на нем полетит, никто пока не знает. Возможно, скоро это узнаем именно мы. В этом случае слабосильный «Малыш» один нас не сможет буксировать.

С «Малышом» ситуация оказалось еще более печальной.

У этого катера лопнуло днище по сварке. Чтобы не утонуть, ему приходилось постоянно стоять на откачке поступающей через трещину внутрь забортной воды. При этом постоянно должен был работать дизель.

Еще одна «ахиллесова пята» «Малыша» – постоянно слетающая ведущая к штурвалу цепь привода рулевого управления. Чтобы ее поставить на место, необходимо было протиснуться в узкое пространство под палубой, предварительно заглушив двигатель. А запустить двигатель можно было только от системы аккумуляторов, стоящих на палубе Пассажира. Вот такой симбиоз. Хотя это уже было третьим секретом...

Настораживал и Палыч. Раньше он работал судоводителем на наших катерах, поэтому постоянно порывался ухватиться за штурвал, чтобы порулить, пощелкать тумблерами в катерах, подергать рычаг переднего и заднего хода. Эти его действия очень раздражали наших нынешних судоводителей, о чем они ему в деликатной форме сообщили. Палыч ненадолго успокоился, но, похоже, что слегка обиделся. Что, впрочем, никого не расстроило.

В этот момент думалось только о всем хорошем, что нас ожидает впереди. Да и чего можно еще пожелать, когда тебе девятнадцать лет, ты идешь на катамаране по водохранилищу, рядом твой товарищ, с которым месяц назад ты совершил два великолепных путешествия по пять дней по Эльгеньевским озерам, с ловлей на удочку хариуса и туристиче-

скими вылазками к озерам и горам. Ты идешь в тайгу, а там рыбалка, охота, новые неизведанные места. Дух путешествия нас манил с немислимой силой. Навстречу приключениям! А в том, что они будут я и не сомневался. Как оказалось, не ошибся...

Мы вышли из залива Эльгеньи, повернули налево и двинулись дальше, по бывшему руслу Колымы, пока в этом месте она не стала водохранилищем. Далее нам следовало около четырех часов идти только прямо, пока не подойдем к заливу Кюель-Сиена, который находился на нашем же левом берегу Колымы, но ниже по течению, в сторону Синегорской ГЭС. Наши судоводители застопорили штурвалы, флотилия шла прямо. Направо – километры открытой воды, налево – та же картина. Впереди и сзади – десятки километров. Поэтому они только поглядывали вперед. Чтобы не толкаться в теплой, но тесной для нашей компании надстройке, я пошел проверить приборы нашего бульдозера, который тихо и печально тархтел на холостых оборотах посреди палубы. В кабине было тепло от работающего дизеля, светло от кругового остекления. Солнце ласково грело сквозь стекла кабины. Уходить не хотелось.

Между тем на палубе началось движение. Действо. Ритуал. Мужики раскочегарили паяльную лампу, пристроили к ней самодельное устройство, состоящее из согнутой коленом трубы, в которое врывается пламя лампы. Труба приварена к металлической основе с отверстием по центру, которая

является плитой, на нее можно ставить кастрюлю или чайник. Плита на трех ножках, по высоте паяльной лампы, стоит на железной палубе. Очень просто и эффективно. В один момент закипает чайник или варится суп, можно сковороду ставить. После того как поджарили свежепойманных налимов, перекусили, мужики достали бутылку – за успех предприятия. Святое дело всякой командировки или экспедиции – нерушимая традиция!

Я решил, что куда интереснее любоваться открывающимися пейзажами и снова забрался в кабину бульдозера, заодно присматривая за приборами. И не пожалел. Единственное о чем пожалел, так это о том, что не было у меня с собой видеокамеры и фотоаппарата, да еще бы с цветной пленкой... Ибо нет зрелища прекрасней, чем бабье лето на Колыме. Таких пейзажей и такого сочетания цветов нигде больше нет. Это невозможно передать словами, нужно только видеть золотые от пожелтевшей хвои лиственниц сопки, багряные от осенней листвы голубики долины и распадки. Вершины сопки, зеленые от колышущихся на ветру лап вечнозеленого кедрового стланика. Оранжевые островки трепещущей на ветерке листвы осины и желтые островки березы на солнечных склонах сопки. Серые в голубой дымке горы, увенчанные белыми снеговыми шапками. А над ними голубое небо, с редкими белыми барашками облаков. И все это великолепие еще раз отражается в прозрачном зеркале неподвижных вод Колымского водохранилища. Воздух чист и свеж. И необы-

чайно прозрачен. Видимость великолепная, на много километров вперед. И полная тишина. Даже комары и мошка уже не докучают, не зудят над ухом. Только монотонно стучат дизеля катеров и бульдозера, да остается ненадолго след на воде после наших плавсредств, режущих своими корпусами спокойные воды Колымского водохранилища.

3. Прибытие на место

Солнце уже устало склонилось над сопками, когда мы подошли к живописному устью Кюель-Сиена и вошли в его залив. Около полукилометра мы прошли по заливу, который стремительно сужался и еще более стремительно мелел. На крутом левом берегу, в живописном месте, мы заметили признаки обитаемости этих мест. Стоял недостроенный добротный одноэтажный коттедж. Сам красавец коттедж был просторным, с высоким чердаком под двускатной крышей, с большими окнами. Такие строения в тайге не строят, их не обогрешь. Палыч пояснил нам, что это гидростроители из поселка Синегорье, где находится Колымская ГЭС, строят себе базу отдыха. По виду строение осталось только оштукатурить снаружи и изнутри, вставить окна и двери, печки установить.

Палыч нам пояснил, что тут же живет и сторож, Иван Иванович, или просто Иваныч, который присматривает за базой, попутно рыбача и охотясь в свое удовольствие. Вскоре на берегу показался и сам Иваныч, которому Палыч покричал с «Катамарана», что мы за сеном прибыли, как он и обещал ранее, скоро подойдем к нему. Причалим к его берегу.

Рядом с коттеджем на воде стояла моторная лодка с двигателем, которая была привязана к берегу. Также среди деревьев угадывалось зимовье, в котором круглый год жил сто-

рож, уличный туалет и сарай. Впоследствии мы узнали, что в нем находится дизель-генератор, электросварочный аппарат и циркулярная пила, работающие от этого генератора.

А сейчас нам нужно было попасть как можно дальше вверх по течению залива Кюель-Сиена, что оказалось непростой задачей для такой нашей каракатицы, которая непобедимой армадой вошла в это узкое и мелкое место. Ведь до такого желанного сена надо было пройти еще несколько километров по воде, вверх по течению Кюель-Сиена.

Дважды сев на мели, с которых с трудом снялись, включая задний ход, наши судоводители развернули нас назад, к выходу из бухты. Правильно рассудив, что в том месте бухта мелкая, если и проскочим мели, то вода снова упадет, тогда мы оставим здесь до лета весь свой флот с бульдозером на борту. Воду действительно на ГЭС каждый год по осени сбрасывали на несколько метров, чтобы весенними тальми водами не затопить ГЭС и нижерасположенные поселки, дороги. А потом, к лету, потихоньку наполняли водохранилище до нормы водами тающих снегов.

Тем временем, мы потихоньку подошли к крутому берегу, на котором стояла база отдыха. По берегу бегал Иваныч и отчаянно жестикулировал, пытаясь показать, куда нам лучше пристать, чтобы поменьше деревьев сломать.

– Ты посмотри, как он за свой заповедник переживает, ну сейчас посмотрим, сейчас он увидит торжество технической революции – ухмыльнулся Кум.

В указанное Иванычем место «Катамаран» и прицепные катера уткнулись своими четырьмя носами. Мы с Серегой Белым быстро опустили аппарель, катера добавили передний ход, упираясь носами в берег, чтобы «Катамаран» не отошел пока бульдозер съезжает на берег, отталкивая гусеницами от себя опору аппарели. Мы опасались, что в этом случае бульдозер может скатиться назад и уйти под воду. А глубина там была многометровая, если судить по склону террасы, на которую мы сейчас выгоняли свой бульдозер.

Виктор с Кумом, как наиболее опытные, находясь в кабине, вывели на берег бульдозер, который пыхтя и свистя, полез вверх по крутому склону террасы, прокладывая отвалом себе между деревьями дорогу. Некоторыми деревьями пришлось пожертвовать. Впрочем, они не пропали даром. Потом Иваныч их попиллил себе на дрова.

Мы с Белым подняли аппарель, судоводители дали «Катамарану» задний ход и мы отошли от берега. Дальше оставалось ждать и наблюдать, в каком месте бульдозер спустится к берегу и подготовит площадку для нашего причала.

В это время с верховьев Кюель-Сиена мимо нас проскочила моторная лодка под мотором с тремя пассажирами на борту. Странно было, что они совсем не изъявили желания пришвартоваться к нам, поговорить. В тайге всегда каждый рад новому человеку. Эта же лодка, обогнув по дуге наш водный транспорт, ушла из бухты в открытые воды водохранилища, словно им было не интересно кто мы и что тут со-

брались делать. При этом пассажиры лодки внимательно нас рассматривали, в их лицах читалась настороженность и какая то напряженность.

С «Катамарана» мы видели наш вечнозеленый бульдозер, который аккуратно пробирался следом за Иванычем, указывающим ему путь между деревьями. Сделав длинную петлю по лесу и повалив минимальное количество лиственниц, он «проявился» из леска молодых лиственниц у берега, метров на сто в стороне от нас, напротив выступающего из воды островка, который был остатками отвалов горных пород затопленной под нами шахты или полигона.

Добравшись по мелководью до островка, наши опытные бульдозеристы растолкали его грунт во все стороны, превратив в ровную площадку, соединив ее грунтовой насыпью с берегом. Получился полуостров. К этой площадке наша горэскадра и пришвартовалась. Наступили глубокие сумерки.

4. Знакомство с Иванычем

Уже в темноте мы стали обустраивать свой быт. Проверили состояние бульдозера и катеров. Спустили с борта «Катамарана» в воду закидушки, в надежде утром вытащить их усеянными невероятно крупными налимами, как и обещал нам Палыч. В гости к нам пришел Иваныч. Смотря на него с палубы, когда он суетился на берегу, он показался мне глубоким стариком. Хоть и не по годам шустрим. Сейчас я увидел, что ему всего около пятидесяти пяти лет. Это худощавый, но жилистый, подвижный мужчина, слегка сутулый. А сильно старила его седая, совершенно белоснежная борода и такие же волосы.

Как положено в таких случаях, разлили по кружкам, за знакомство. Посидели, познакомились, пообщались. В разговоре с Иванычем узнали, что сенокосчики нас не дождались, ушли рыбачить на озеро Джека Лондона, это около восемнадцати километров вверх по Кюель-Сиену. Они ведь где-то в этих местах имеют зимовье или даже несколько домиков. Занимаются охотой и рыбалкой круглый год. Браконьерничают, в общем. А сено косили только в этом году, это у них как «шабашка» была, приработок.

Так что сено придется грузить и возить самим, что нас не особенно расстроило. Главное было найти сено, так как кругом нас окружала лиственничная тайга без видимых в ней

просветов открытого пространства. Этим мы и решили заняться на следующий день. Палыч нам объяснил, что на лодке под мотором он почти до конца залива доходил, сено там. А отсюда нам придется около семи километров до него еще по тайге добираться. Столько же возить его придется до «Катамарана».

По поводу моторной лодки с тремя пассажирами в ней, которые не захотели с нами общаться, а ушли сразу на открытую воду, Иваныч пояснил, что это такие же браконьеры. Они ловят рыбу и охотятся. Зимовье у них чуть дальше от нас, ближе к месту впадения Кюель-Сиена в водохранилище. А так поспешно от нас они ушли потому, что приняли нас за милицию, которая недавно здесь устроила облаву на так называемых «хищников».

«Хищниками» называют диких старателей, которые нелегально, обычно примитивным способом, с помощью лотка и проходнушки, добывают золото поодиночке, а чаще небольшими компаниями. В общем, занимаются хищением этого золота из недр. Потому и «хищники». Недра, со всем содержимым, принадлежат государству, а «хищники» без всяких разрешений добывают золото. Сдают они его таким же нелегальным перекупщикам, ведь официально его не сдашь, раз оно добыто таким образом. Перекупщики также всеми мыслимыми и немыслимыми путями нелегально вывозят это золото с территории области. Куда оно идет дальше они и сами, скорее всего, не знают. Получается замкнутый криминаль-

ный круг. С чем милиция и борется, по мере сил и возможностей.

При этом труд старателя, а особенно «хищника», нельзя назвать легким и безопасным. Кроме того, что золото во время его промывки требует пролить семь потов и заработать десятки мозолей, перелопатить кубометры мерзлого валунистого грунта, промыть который необходимо десятками тонн воды, прежде чем оно уютно разместится у тебя на ладони маленькой кучкой, это еще и небезопасный бизнес. Нередки стычки за чуть более богатое месторождение, как между хищниками, так и между старателями, занимающимися узаконенным вольным приносом. Иногда за месторождение могут бороться между собой несколько групп «хищников» и законных вольноприносителей. Тогда в ход идут не только уговоры, но и кулаки и ножи, а нередко и огнестрельное оружие, в том числе нарезное. Оружие тоже не зарегистрированное. Поэтому старательодиночка в тайге – большая редкость.

А про эту облаву мы впоследствии узнали, по приезду домой. Ведь пойманными милицией «хищниками» оказались ... два жителя нашего поселка. Облава была хорошо спланирована, и проведена. Все прошло красиво и слажено, как в кино. Судя по всему, сотрудники правоохранительных органов заранее знали, куда и за кем идут. Поэтому с разных сторон к назначенному месту и в назначенное время они вышли тремя группами. Со стороны поселков Обо и Мой-Уруста на катере по водохранилищу выдвинулась первая группа,

из поселка Синегорье, навстречу им, вторая группа, также на катере по водохранилищу. Третья группа в пешем порядке спустилась вниз по течению Кюель-Сиена от озера Джека Лондона, отрезая им отход в тайгу, от водохранилища. Получается, что к намеченной точке двигались тремя группами с трех разных сторон. С воздуха их страховал вертолет, труженик Севера МИ-8. Уйти от них было почти невозможно.

Странно, что всего двоих «хищников» сумели задержать при такой подготовке и слаженности, ведь если верить многочисленным слухам, в тех местах просто Клондайк. И «хищников» там было, что ворон зимой в голодный год на свалке. Доходило до того, что они прибежали на богатый участок, быстро нагребали рюкзак золотоносного грунта, после чего опять быстро уносили рюкзак в тайгу, где находили ручеек и в укромном месте не торопясь промывали этот грунт, извлекая из него презренный металл. И это было выгодно «хищникам». Они оправдывали свой труд и еще неплохо на этом зарабатывали. Возможно наших односельчан просто «сдали» конкуренты.

В эти беспокойные места нас и занесла нелегкая за сеном. Про то, что они богаты по содержанию металла (золота) я и раньше знал. На этом месте раньше находился поселок золотодобытчиков Юбилейный. Впрочем, у нас в Тенькинском районе почти все поселки создавались ради добычи золота. На участок Юбилейный ездил работать горным мастером на вахту мой отец, когда мы жили в соседнем по-

селке Сибик-Тыэллах. На Сибике и Юбилейном жили горняки золотодобытчики, которые обрабатывали в основном шахтным, реже открытым способом, золотосодержащие пески. Эти пески зимой добывались и выдавались на поверхность («на гора», как говорят шахтеры), а летом промывались. Содержание металла было почти всегда хорошим. При строительстве Колымской ГЭС эти поселки, как и некоторые другие, попали в зону затопления строящегося водохранилища. Жители были выселены. В основном в поселок Мой-Уруста, куда из поселка Ветреный была перенесена база и контора прииска «Имени 40 лет Октября», так как сам базовый поселок Ветреный стоял на берегу Колымы и впоследствии был полностью затоплен. В настоящее время он находится на дне глубокого залива Колымского водохранилища. Юбилейный также находился сейчас на дне залива Кюель-Сиена, как раз под днищами наших катеров. Только на противоположном берегу виднелась пара ветхих полуразрушенных временем строений, похожих на бывшие склады или сараи.

Странным было то, что сейчас, когда на прииске все больше требовалось усилий для выполнения плана по добыче металла, ввиду истощения россыпей, тут было хорошее золото, которое промышленным способом можно было сравнительно легко отработать и добыть. Но его не добывали. Как пояснил нам Иваныч, тут находится стратегический запас Родины. На случай войны. Поэтому его пока не обрабатыва-

ют. Плохо только, что и не охраняют, сокрушался он. Даже с первого взгляда было заметно, что ему доставляет немалое беспокойство соседство с периодически забредающими в эти места «хищниками». Судя по всему, между ними и Иванычем соблюдался некий нейтралитет. Каждая сторона знала о существовании другой и на чужую сторону не заходила.

Иваныч рассказал, что раньше он на Юбилейном работал, в шахте бурильщиком в проходке, но потом, во время бурения, подорвался на несработавшем шпуре, оставшемся при проведении в шахте взрывных работ. Этим и объяснялась его походка. Ходил он слегка боком, как краб, ведь у него был поврежден позвоночник. Хотя передвигался Иваныч довольно шустро.

Еще Иваныч нам поведал, что когда он работал в шахте, им отдавали мощность пласта в три метра. Что это такое по настоящему я смог оценить только через пару лет, когда сам пошел работать в подземку. Нам геологи почти все время стабильно отдавали мощность в метр шестьдесят. Тогда по шахте приходилось передвигаться склонив голову набок, либо вообще согнувшись в три погибели, периодически постукивая каской о выступающие из кровли валуны вечной мерзлоты. А тут три метра. Да это же дворец, а не шахта! И выработка песков в два раза больше с той же площади.

Слово за слово, разошлись спать уже за полночь. Кум успел проверить закидушки, сняв с них всего пару небольших налимов. Палыч, как работник ИТР, ушел спать в зимо-

вье к Иванычу, тем более, что они были знакомы. Пролетарии, то есть все остальные, остались спать в трюме одного из катеров «Катамарана». Тут были все условия для сна: в трюме стояла печь на твердом топливе, которую мы исправно топили лиственницей, в кубрике было пять шконок, на которых все и разместились. Не хватило места только Сереге катеристу – хозяину этого катера. Он разместился на раскладушке у штурвала, в рубке, наверху. Отгородившись от нашего отсека шерстяным одеялом, которое не давало всему теплу уходить от нас к нему.

5. Начало просеки

Утром, умывшись и соорудив нехитрый завтрак, мы как следует, осмотрелись. Оказалось, что в залив Кюель-Сиена с его левого берега впадает небольшой ручей, истекающий из короткого и узкого распадка, зажатого между крутых бортов сопки и больше напоминающего ущелье. Начало распадка тоже уходило круто вверх к сопкам, с которых он и начинался. В этом ручье Иваныч набирает воду для питья и хозяйственных нужд. Вода кристально чистая и настолько прозрачная, что невозможно определить глубину ручья. Ее просто не видно. Если только опавшие хвоинки лиственницы проплывут мимо, тогда поймешь, где ее поверхность и есть ли вообще вода в русле ручья. В месте слияния образуется небольшая, но очень уютная и живописная бухточка. В этой бухте я увидел такое чудо, подобного которому пока больше не встречал. Это была плавающая на поверхности воды баня. Настоящая рубленая из лиственницы баня! С предбанником, обшитым доской. Она плавала в пятишести метрах от берега. Чтобы ее не унесло в водохранилище, и чтобы она не вертелась на привязи, баня была привязана канатами к берегу за два ближайших к берегу угла. К предбаннику с берега был брошен трап, сколоченный из нескольких досок. Наибольший интерес представляла не сама баня, а понтон, за счет которого она собственно и находилась на плаву. Так

как баня была самая обычная, хоть и добротная. Тут как водится, сработала смекалка строителей.

Понтон представлял из себя конструкцию, состоящую из тридцати двух двухсотлитровых металлических бочек с закрытыми крышками. Они располагались по восемь в ряд, плотно прилегая бок к боку. Четыре таких ряда плотно прилегали друг к другу торцами бочек, образуя единую конструкцию. Все они были собрано воедино по принципу «четыре на восемь» в лежачем на боку положении, благодаря каркасу из стального уголка, который плотно прижимал их друг к другу, не давая расплываться. На этом понтоне и была срублена баня, к ней пристроен дощатый предбанник. Понтон прекрасно держал вес бани, при этом только до половины диаметра бочек погружаясь под воду. Все гениальное просто.

В предбаннике была натянута веревка, на которой сохла одежда Ивана. Сам Иван щеголял в чистенькой куртке, брюках и вязаной шапочке. Даже было удивительно, особенно нам, бульдозеристам – как можно постоянно работать в тайге: заготовка дров, таскание воды к себе на террасу, ежедневная чистка печки от золы, а также заниматься массой другой работы и оставаться таким неправдоподобно чистеньким и опрятным.

Напротив бани, на берегу, стоял летний душ, представляющий из себя каркас из лиственницы, обтянутый полиэтиленовой пленкой, на крыше которого расположен металличе-

ский бак, выкрашенный черной краской, в котором на солнце летом за день нагревается вода, после чего можно вечером помыться, открыв кран, находившийся внутри летнего душа. Используется бесплатная энергия солнца.

На террасе везде царили чистота и порядок. Запас дров был сложен под навес из рубероида, отдельно лежали сырые дрова. Их Иваныч подкладывал на ночь, чтобы они долго тлели и давали немного тепла. Для хорошего прогрева печки использовались просушенные дрова. Мусор был собран в несколько двухсотлитровых бочек, у которых были вырублены верхние крышки. Даже щепка и опилки, которые образовывались при заготовке дров, периодически подметались в кучу, которая сжигалась в печке зимовья или печке, находящейся на улице, на которой готовилась еда в летнее время, когда жара в зимовье была не желательна.

В тот день мы бульдозером стянули к зимовью поваленные нами деревья, чтобы зимой Иваныч их мог использовать на дрова. По пути приволокли тросом несколько ранее упавших деревьев. Для того чтобы добраться до стогов с сеном, решили прочистить идущую в нужном нам направлении старую просеку геологоразведки. Просека была проложена несколько десятков лет назад, поэтому успела основательно зарастить молодым лесом. Молодым, по сравнению с двух и трехсотлетними лиственницами, среди которых она была проложена.

Пока Виктор бульдозером расчищал просеку, чтобы мож-

но было таскать по ней груженные сеном сани, мы хлопотали по хозяйству, обустроиваясь на новом месте.

Кум с самого утра проверил снасти, но налимов по метру-метру двадцать, как нам железобетонно гарантировал Палыч, там не оказалось. Самая средняя рыба, в том же количестве, что ловилась и на причале Мой-Уруста. Мы решили, что это из-за производимого дизелями бульдозера на берегу и катера «Малыша», круглосуточно работающего для откачки поступающей внутрь воды, рыба ушла. Но Иваныч сказал, что рыба перестала клевать несколько дней назад, когда резко стали сбрасывать на зиму воду в водохранилище. У Иваныча возле лодки сеть стоит, так в нее вообще ничего не попадает. Только на удочку и закидушки налимов по несколько штук за сутки ловит. А хариус, остроноска и каталка ушли.

В обед вернулся уставший Виктор и сообщил, что прочистил просеку на километр в нужном направлении. Наш бульдозер вязнет в болоте, при этом разувается в нем на ровном месте, чтобы мы осторожней там, на просеке, себя вели. Особенно на болотистой местности, потому что болото еще не промерзло полностью, только сверху корка мерзлоты, которая под весом бульдозера ломается, а выбраться из болота не дает та же корка замерзшего сверху болота. Решили по двое ездить на просеку.

С обеда на просеку поехали мы с Кумом вдвоем. Как более опытный, он сидел за рычагами, а я был на подхвате

– подложить ствол дерева под гусеницу на болоте, посмотреть, как ведет себя ходовая, не собирается ли разуться. Когда солнце садилось за сопку, мы поехали обратно на нашу базу. Не доезжая с полкилометра до «Катамарана», все-таки разулись на левую гусеницу на краю болота. И так хорошо разулись, что пришлось выбивать палец из гусеничной цепи и скидывать гусеницу. Пытались ломami и лагами из стволов лиственниц поправить гусеничную цепь, чтобы потом через звездчатое ведущее колесо накинуть ее на верхние поддерживающие катки и зашплинтовать палец на место. Но в болоте не хватало сил сдвинуть полутонную гусеницу с места. Лаги вязли в болоте, не за что было ими упереться или зацепиться. С полчаса, попрыгав как мартышки, с палками вокруг нашего невозмутимо и злорадно тархтящего зеленого чудовища и хорошенько «уделавшись» в холодной и вонючей болотной грязи решили идти за подмогой.

Несмотря на то, что я был молодым, следовательно, мне надо было бежать, Кум оставил меня у бульдозера, а сам пошел на «Катамаран» за помощью. У него закончились папиросы, от чего его страдания стали воистину невыносимыми. Мне, не курящему, его было не понять. Перед этим он строгонастроено предупредил меня, что вокруг ходят голодные медведи, которым надо запасти жир перед зимней спячкой, поэтому чтобы я от бульдозера ни на шаг не отходил. Этим меня он здорово повеселил. Во-первых – медведи давно жир нагуляли, ведь конец сентября уже, скоро в берло-

ги залягут. Они уже давно не голодные. Да и грибы, ягоды, шишки до сих пор в лесу при желании можно найти. Во-вторых – они явно не дураки, чтобы к бульдозеру с работающим двигателем подходить. Да мы тут дичь со всей долины грохотом бульдозера, да своими матюками разогнали, прыгая вокруг его железного величества. Эти соображения я и высказал Куму перед его уходом, на что тот только ухмыльнулся.

После того как Кум скрылся в темноте, я выбрал несколько жердей, чтобы ими действовать при направлении на место гусеницы, когда все придут, разложил их. Потом стал одной из них пытаться двигать распластанную на земле гусеничную цепь. Так быстрее время шло, тем более, что мне удалось сдвинуть гусеничную цепь на несколько сантиметров в нужном направлении, что придало мне оптимизма и уверенности в своих силах и сообразительности.

«Ну вот, еще на несколько сантиметров сдвинул, а Кум говорит «медведь, медведь», думал я, стоя согнувшись над гусеницей, поддевая ее тонким стволом лиственницы и отработанным движением, через рычаг, толкая от себя. И тут же я почувствовал, как тяжелая лапа легла мне на плечо и над самым ухом рявкнул медведь...

Одним прыжком, с места, как кенгуру, я заскочил в кабину бульдозера, подскочив вверх на полтора метра. Мне не хватало воздуха. Сердце бешено билось, прогоняя кровь мощными, как молот, ударами. Ему не хватало места в груди. Еще миг и оно разорвет грудную клетку. Я быстро огля-

нулся. Перед бульдозером не было медведя. Зато на том месте, где я только что стоял и толкал гусеницу, согнувшись буквой «Г» стоял Кум, хохоча и держась за живот руками, на которые были одеты рабочие рукавицыверхонки из грубого брезента... Судя по всему, эта его шутка доставила ему особенное удовольствие. И задумал ее он еще до ухода за помощью на базу. Буквально следом из темноты вынырнули все остававшиеся на берегу, даже Иваныч пришел помочь. Все вместе мы довольно быстро, с помощью лаг, ломов, кувалды и доброго, но непечатного слова, обули нашего зеленого кровопийцу и отогнали его на берег, где он мирно и удовлетворенно тарахтел до утра. Радовался, наверное, что так здорово сегодня над нами произдевался. Я же до конца нашей экспедиции вынашивал план отмщения Куму. Но ничего достойного, к моему глубокому сожалению, так и не придумал.

6. Вот и сено

Следующие несколько дней были похожи на первый. Мы освежили просеку геологоразведки. Потом она закончилась, и нам пришлось бить свою просеку, в нужном направлении. С каждым днем становилось все холоднее, с лиственниц осыпалась хвоя, тайга стала гораздо прозрачнее и уютнее. У берегов стали появляться забереги, стоячая вода уже была до весны скована льдом. Но ледок был еще тонкий.

В самый неподходящий момент «полетел» привод мало-го масляного насоса нашего бульдозера. С трудом пригнали бульдозер на базу, где под открытым небом занялись его ремонтом. Пришлось откручивать и скидывать нижнюю переднюю броню, самую большую и тяжелую. Но самым неудобным было на холоде негнушимися пальцами откручивать сам насос, разбирать и снимать привод.

Наконец, все было разобрано. На Мой-Уруста за приводом отправили Серегу Белого. Его на «Малыше» повез Саня катерист. С ними же поехал Палыч, надо было доложить директору прииска о проделанной работе. Хотя к основной работе даже еще не приступили...

На третий день они вернулись с другим, но далеко не новым приводом, который по распоряжению механика Белый снял со списанного бульдозера, стоящего у ворот цеха. Еще день ушел у нас на то, чтобы поставить его на место, устано-

вить на место броню. Больше всего сил и времени ушло на то, чтобы завести на холоде ледяной дизель. Ведь легкий первый снег уже лег на землю и пока не торопился таять. Предпусковой двигатель довольно сносно заводился и раскручивал дизель, но холодный дизель выплевывал из выхлопной трубы сизый дым и с ослиным упрямством отказывался заводиться. Наконец к вечеру он сдался и нехотя заворчал. Утеплитель на бульдозер Сереге снова не выдали... Не помогло и присутствие в конторе прииска нашего Палыча.

Саня катерист пришвартовался к «Катамарану» в мрачном расположении духа. Оказалось, что по пути от Мой-Уруста к нашей базе, Палыч все же ухитрился ухватиться за штурвал «Малыша» и даже успел немного порулить, буквально несколько минут. Но их хватило, чтобы от резких движений штурвала, слетела с зубьев шестерни цепь, ведущая к рулю. Поправить ее, не заглушив дизель, не было возможности, ведь завести дизель «Малыша» мог только «Пассажир», который находился от него в добрых 20–30 километрах. В итоге Палыча оставили держаться за штурвал, чтобы другой беды не натворил, а повороты рулем осуществляли, натягивая цепь вручную. Это требовало огромных физических усилий, поэтому цепь Саня тянул вместе с Серегой Белым. Так они и дотянули до нашей базы. В конце своего рассказа Саня категорически заявил, что больше Палыча на свой катер и близко не подпустит.

Так как ночи были уже морозными, мы по очереди дежу-

рили, следя за дизелями.

Пока мы стояли в ожидании привода на малый масляный насос, решили разведать местность и найти стога с сеном. Ведь наша просека уже скоро должна была подойти к ним.

Как только Кум выехал на бульдозере добывать просеку, мы (Витя, я, Серега Белый) под предводительством Палыча пошли искать сено. Выдвинулись вдоль по берегу залива, через несколько километров вышли в место впадения в него Кюель-Сиена. Там, на довольно открытом месте, стояло зимовье. Когда долго живешь в лесу, то отрываешься от цивилизации, может этим объясняется обострение на природе интуиции и всех органов чувств. Сначала мы уловили в воздухе легкий запах дыма, после чего пошли против ветра и вышли к этому зимовью. Из трубы дым не шел, но запах тлеющего дерева мы все равно уловили. Из зимовья к нам вышел средних лет мужичок невысокого роста, но хорошо сложенный, узок в талии и широк в плечах, с прямой гордой осанкой (впоследствии описав его Иванычу, мы узнали, что это Серега Рембо). Это был один из тех трех человек, которые ушли на моторной лодке из бухты, при нашем появлении. Они потом незаметно умудрились обратно проскочить мимо нас на лодке к себе в зимовье, предварительно по берегу добравшись до Иваныча и разведав у него, кто мы и что тут делаем. Мы рассказали Рембо, что ищем сено, за которым прибыли на Катамаране, он согласился нам его показать.

Передвигался он стремительно, широко и быстро шагая.

Мы едва поспевали за ним. Было видно, что в тайге он не новичок и ему не составит особого труда отмахать по ней пару десятков километров, особенно налегке или с легким рюкзачком. Рембо провел нас около километра по направлению к стогам, указав, где они стоят и вернулся к себе, сообщив, что ожидает своих двух напарников, которые на лодке ушли в поселок Синегорье за запасом продуктов на период ледостава на Колымском водохранилище. Среди молодых лиственниц он растворился сразу и практически без звука. Кстати, его напарники снова умудрились пройти мимо нас на лодке никем не замеченными. Туда и обратно...

Мы же осмотрели стога, которые были собраны на довольно небольшой площади, около километра в диаметре. Стога стояли посреди широкой долины, образованной в месте впадения с разных сторон в Кюель-Сиен нескольких более мелких ручьев и речушек. Это место так и называлось – Семиречье. Судя по рельефу, много лет назад тут были расположены шахты. Сейчас эта долины зарастает шикарной густой травой, высотой до полутора метров. Лучшего места для сенокоса и не найти.

К нашему огорчению, мы не нашли там вил, грабель, другого инструмента. Палыч предположил, что они должны быть в зимовье у сенокосчиков, которое находилось тут же, примерно в километре, на краю долины, под сенью огромных лиственниц, спускающихся с пологого склона сопки, по краю которой мы били просеку. Мы пошли за инструментом.

Зимовье было просторное и высокое. Удивило то, что печка и труба в нем были не железные, а сложены из кирпича. В таком доме легко можно было померяться силами с колымской зимой. В зимовье было холодно. Видно, что печка давно не топилась. Вил нигде не было. Поэтому число грехов Палыча снова возросло в геометрической пропорции. Думаю, что место в аду он себе уже заранее забронировал. На чердаке нам удалось отыскать только одни вилы. Палыч уже не в первый, а если быть совсем откровенным, то и не в последний раз за эту экспедицию услышал все, что мы о нем думали... Почти все. Ему крупно повезло, что рядом не было Кума, который еще на берегу, возле Мой-Уруста неоднократно предлагал ему взять с собой инструмент для погрузки сена. Свою позицию по отношению к сложившейся ситуации и Палычу лично, Кум высказал ему вечером, используя слова исключительно ненормативной лексики, которую, если верить историкам и лингвистам, привнесло на Русь трехсотлетнее татаромонгольское иго. И которую мы, гордо выдавая за собственное изобретение, разнесли по всему миру, радуясь, услышав такие знакомые и милые каждому сердцу нашего человека слова от торговцев китайского рынка или обслуживающего персонала турецких, египетских, тайландских отелей.

На базу вернулись другой дорогой, уже ближе к вечеру. Прошли краем сопки, по которой пробивали просеку к стогам сена. Просека дошла до края узкого, но глубокого рас-

падка, пересекающего наш путь, подобно широкой и глубокой канаве. Бульдозера на месте уже не было. Кум нас ожидал на базе, бульдозер тихо и довольно тарахтел на холостых оборотах, у самой кромки воды. Стали думать, как через этот распадок перебраться будем, да еще с санями, груженными сеном.

7. Ремонт саней

Утром Кум с Виктором погнали бульдозер на край просеки. Было решено пробивать ее в верховья глубокого распадка, преграждающего нам путь, чтобы преодолеть его в месте, где он будет иметь наименьшую глубину и ширину. В объезд этого распадка, насколько это получится.

Нас же ждала другая работа. По цепочке мы передавали ведра с соляжкой из трюма второго катера «Катамарана». Это был наш «танкерналивник». Уже не в первый раз, таким образом, мы заправляли трехсотлитровый бак нашего бульдозера, бездонные баки «Пассажира» и «Малыша».

В этот день необходимо было натаскать на террасу около ста литров дизельного топлива на ДЭСку Иваныча. После чего катерист Серега ее запустил, но электроэнергию она отказывалась вырабатывать. Пока мы с Белым закончили заливать топливом бак ДЭСки, Серега с Иванычем разобрались с хитроумным агрегатом и Серега, взяв с «Катамарана» маску сварщика, держак и пачку электродов, занялся ремонтом разбитых саней, на которых мы собирались перевозить сено.

Как показала наша пешая экспедиция к стогам сена, на месте не оказалось не только инструментов, для его погрузки и последующей выгрузки на борту «Катамарана», но и обещанных Палычем саней, на которых и нужно было его перевозить. Иваныч за своим зимовье показал нам старые

разбитые сани, ремонтом которых мы и занялись. Пришлось проваривать сами полозья, их крепления между собой, наваривать крепления для жестких усов, на которых мы потом их тащили, чтобы при движении с горы сани не налетали на бульдозер. Усы тоже пришлось ремонтировать, так как они были согнуты и вывернуты. Серега катерист варил, я с Сергеем Белым были на подхвате, подносили электроды с борта «Катамарана», периодически бегали с ведрами за солярой для дизеля ДЭСки. К каждой лыже саней приварили вертикально по три полуметровых отрезка трубы, диаметром двадцать сантиметров. В эти трубы воткнули четырехметровые стволы лиственниц, таким образом, обозначив габариты стога, который мы смогли разместить на наших санях, чтобы за меньшее число рейсов вывезти максимальное количество стогов сена.

Управились с ремонтом саней за пару дней. Сложнее дело было с преодолением глубокого распадка. Просека уперлась в крутой склон сопки, по которому было невозможно гнать бульдозер с санями, груженными сеном. Поэтому, в наиболее узком и мелком месте распадка стали заваливать его стволами лиственниц, поваленных при прокладке просеки, пересыпая этот мост уже промерзшим грунтом, который удалось наковырять рядом. Этим, при помощи бульдозера, занимались Виктор с Кумом, уезжая с утра и возвращаясь вечером.

8. На охоту

Так как днем налимы клевать категорически отказывались, то я решил попытаться охотничьего счастья. У Сереги катериста выпросил его нелегальную одноствольную ТОЗовку 16 калибра и шесть штук патронов, снаряженных мелкой дробью. Сцена нашего расставания выглядела примерно так, как в мультфильме про «Простоквашино», когда Шарик, увлеченный внезапно проснувшимся охотничьим инстинктом, уходит с ружьем на охоту, а Матроскин его провожает, общаясь как с умственно неполноценным, но стараясь ничем не обидеть и не выдать своего покровительственного отношения.

– Только по пенькам не стреляй. Не жги патроны вхолостую, у нас их мало – напутствовал меня Серега, передавая легкое, почти игрушечное ружьишко.

Я решил пройти несколько километров вверх по течению Кюель-Сиена, а там как получится.

– Далеко собрался? – настороженно окликнул меня из бани Иваныч, когда я проходил мимо нее, все еще опасливо ступая на лед, сковавший живописную бухту, вместе с плавающей в ней баней.

– Вверх по течению реки – показал я рукой направление.

– Лучше по этому распадку пройди, а по Кюель-Сиену вверх не ходи.

– Мне кажется, там больше шансов дичь встретить – возражал я, подумав, что глухой распадок не идет ни в какое сравнение с широкой долиной, выходящей к озерам Танцующих Хариусов и Джека Лондона. В эту долину выходят десятки, если не сотни подобных распадков. Одно Семиречье чего стоит.

– Дичь там слишком хищная водится иногда, как бы на тебя самого охоту не открыла ненароком – хитро взглянув на меня, усмехнулся Иваныч.

– Андрюху Шнурка знаешь? – видя, что я так ничего не понял, продолжил он.

Я кивнул, потому что Андрюху знал с первого класса. Мы с ним учились сначала в трехлетней школе в небольшом горняцком поселке Сибик-Тыэллах, где и проживали, а потом, с четвертого класса и до окончания школы в поселке Мой-Уруста, где была школаинтернат с первого до десятого (впоследствии одиннадцатого) класса. Андрюха был на два года старше меня и школу закончил на два года раньше. Сейчас оба на Мой-Уруста живем и работаем.

Тогда Иваныч нехотя мне рассказал, что прошлым летом, уже в конце августа, Андрей на моторной лодке приплывал к Иванычу в гости, порыбачить да поохотиться. Когда пошел по намеченному мной сейчас маршруту, то увидел, что сверху по ручью течет грязная вода. Он догадался, что там кто-то моет нелегально золото. Нелегально, потому что в этом месте вольноприносителям разрешения на разработку недр

не дают – стратегический запас, поднял указательный палец вверх Иваныч.

Андрей аккуратно пошел вверх, а когда дошел до густых кустов и раздвинул их, то увидел, что в потаенном месте, в зарослях, двое мужиков через «проходнушку» промывают грунт – моют золото. Как у нас говорят – промывают золотосодержащие пески. Не сразу Андрей увидел третьего, который сидел невдалеке на дереве, на легком навесе, вроде гнезда. Сидящий на дереве, осматривал в оптический прицел карабина окрестности вокруг, охраняя подельников. Андрея он не увидел только потому, что в этот момент сидел к нему спиной, в неудобной позе.

Андрей потихоньку отступил обратно и незамеченным ушел обратно. Это было лучшее решение, которое он мог принять в тот момент.

После услышанной истории я охотно свернул в распадок, на который мне указал Иваныч. Превращаться из охотника в дичь на сегодня в мои планы не входило. Иваныч меня проводил долгим взглядом, желая удостовериться, что я не совершил глупость – не пошел все-таки вверх по Кюель-Сиену. Потом крикнул вслед, чтобы я шел осторожно, не попался в петлю, которую скоро встречу по пути.

Пройдя сотню метров, я увидел эту петлю, сделанную из тонкого, но прочного стального троса. Она была поставлена в очень удачном месте. Вокруг плотной стеной росли молодые лиственницы, прдраться сквозь которые даже человеку

стоило большого труда, не говоря уже о рогатом олене или сохатом. Только в одном месте был небольшой проход, в котором и была настрожена петля. Шансов пройти и не попасть в петлю у любого рогатого практически не было.

Подойдя к петле и внимательно осмотрев ее, я осторожно сквозь нее пролез на другую сторону плотного забора из молодой лиственницы. Предварительно убедившись, что это простая петля, не имеющая какого-либо хитроумного приспособления, типа самострела или противовеса, затягивающего ее в случае неосторожного моего движения. Быть пойманным и подвешенным за ногу на этой просеке мне никак не хотелось. Я же сегодня охотник. Хотя Кума это порядком бы развеселило. Не хотелось доставлять ему такого удовольствия. Становиться предметом его шуток и подковырок, до самого конца нашей экспедиции, тоже мне не особенно хотелось.

Только пройдя сквозь петлю, я смог войти в распадок, который постепенно сужаясь, все круче уходил вверх. Ступая по свежему снегу и стараясь не шуметь, я постепенно уходил вглубь распадка. Каких-либо следов на снегу не было вообще. Вокруг стояла звенящая тишина. В распадке был особый микроклимат. Если склоны сжавших его сопок были абсолютно голые, то в нем самом плотно росли гигантские лиственницы. Они росли настолько близко друг к другу, что пробраться между ними удавалось не в каждом месте. Странно, что все деревья были мощные, одного диаметра и почти оди-

наковой высоты. Дойдя почти до конца распадка, я с трудом пробрался между колонн стволов лиственниц, достигающих обхвата взрослого человека и вышел на другую сторону распадка, отсюда начал свой обратный путь. Среди этих исполинов чувствуешь себя просто муравьем. Сразу вспомнил «Затерянный мир» Артура Конан Дойла. Только никакой дичи, как и ее следов, почему-то мне не встретилось. Наверное, сказывается близость человека, особенно человека с ружьем. И далеко не одного человека в этих диких, как мне сначала показалось, местах. Да и мы своими дизелями грохочем уже не первую неделю. Тут кто угодно убежит.

Только одна синица бесстрашно спикировало над моей головой и села на ствол гигантского дерева, на расстоянии вытянутой руки, слегка испугав меня этим неожиданным движением в полной тишине, ведь я ее заметил слишком поздно. Для нее, похоже, такой зверь был в диковинку. Она рассматривала меня своими черными глазамибусинками, поворачивая голову то вправо, то влево. Потом вспорхнула и исчезла также стремительно, как и появилась.

Многие ветки деревьев были увешаны гайнами – беличьими гнездами из веток. Такого количества беличьих гнезд, на такой небольшой территории я никогда не видел. Но самих белок я так и не увидел, как и их следов на свежем снегу, между деревьев. Распадок был темным, и каким – то гнетущим. Ничего живого. Никаких звуков. Никакого ветра или даже движения воздуха. Кажется, что и время здесь остано-

вилось.

Уже на выходе из распадка я увидел несколько пней, от спиленных деревьев великанов в полтора обхвата. Посчитать годовые кольца не удалось, так как спилены деревья были очень давно, спил уже почернел, кольца четко не читались.

Я вспомнил, как зимой наши приисковые электрики на ручье Травянистом пилили лиственницы для опор электролинии, а я вытаскивал бульдозером на дорогу стволы деревьев с уже обрубленными ветками, чтобы потом собрать их в один штабель и утащить на тресе на полигон, где они должны были стать новыми опорами для линии ЛЭП. Стволы были около тридцати сантиметров в диаметре. Я был очень удивлен, когда посчитал годовые кольца одного из пней и насчитал их 150 штук. Я посчитал кольца на другом пне, на третьем. Везде их было от 150 до 200! Это чтобы такое небольшое дерево выросло, ему потребовалось в наших условиях два века. Что оно видело за это время? Тогда в этих местах только редкий охотник или оленевод проходил. А сколько же лет было тогда этим спиленным гигантам? Наверное, около тысячи, а может быть и двух. А тут пришел человек с бензопилой и расправился с ним за двадцать минут... А потом к следующему дереву приступил, гордый в своем могуществе и глупости.

Когда я вышел из распадка, сразу увидел сизый дымок над нашим бульдозером. Дизель устало пыхтел, значит – наши уже приехали с просеки. Я вернул Сереге катеристу ружье

с патронами, отчитался о ситуации с дичью и пошел в баню с Серегой Белым. Мужики уже попарились и отдыхали в каюте, а Белый ждал меня. По пути пришлось ответить на несколько шуток Сереги Кума, который жутко расстроился, что я не принес на плече сохатого, а на втором плече медведя. Пришлось пообещать ему завтра пригнать на «Катамаран» стадо оленей, а послезавтра мамонта веревочкой к фаркопу бульдозера привязать.

Баня была протоплена на совесть. Хоть мы парились позже всех, печка еще дышала жаром от раскаленных валунов, которыми была обложена. Распарившись, мы выскакивали голышом на лед, которым была окружена баня, бегали вокруг нее. Конечно, глупостью оказалось наше решение бежать наперегонки по льду до леса, а потом обратно. Холодно не было, от тела на морозе валил густой пар. А вот обувь надо было обуть, потому что до леса мы добежали благополучно, но по дороге назад стали примерзать ко льду мокрые подошвы ног. Отрывать их с каждым шагом от ледяной поверхности было все сложнее и болезненнее.

Когда вернулись в каюту, мужики уже держали совет. Просека до стогов сена была проложена. Сани для перевозки сена восстановили. Завтра с утра за сеном.

9. Холодает

Но выдвинуться в путь с самого утра не получилось. Ночью придавил приличный мороз, наш бульдозер снова заглох. Почему он глох, мы долго не могли найти причину. Конечно, дизельное топливо было летним. Но ведь не такие уж были еще морозы, чтобы летняя солярка превращалась в желе, как в минус сорок градусов. Скорее всего, в топливе была вода. Когда было тепло, неприхотливый дизель выплевывал ее сквозь выхлопную трубу, а в морозы перехватывало топливопровод от бака до дизеля. Тем более, что утеплителя на нашу машину не досталось.

Хорошо, что по ночам мы дежурили, караулили свои дизеля. Как только глох бульдозер, мы открывали краны на блоке дизеля и радиаторе и сливали из системы всю воду, чтобы не разморозить блок дизеля и радиатор. Потом, чтобы разогреть и завести бульдозер, с утра и до обеда мы его «кострили», рискуя сжечь всю пропитанную мазутом собственность прииска.

Это утро было таким же морозным как несколько прежних, от которых отличалось разве что более сильным морозом.

Пока несколько человек грели бульдозер, Серега катерист отвязал канаты, которыми был привязан «Пассажир» к «Катамарану», после чего включая попеременно задний и пе-

редний ход катера, образовал полынью вокруг «Пассажира», разломав еще не толстый лед. Потом вышел в открытые воды водохранилища, которые были от нас в нескольких десятках метров. Уже оттуда он стал пробиваться к нашему «Катамарану» и «Малышу», сокрушая лед вокруг нас. Когда ледовый плен вокруг наших плавсредств был разрушен, Серега пришвартовал «Пассажира» на его законное место. Этот ритуал у нас теперь совершался каждое утро. За день лед на солнце не нарастал. Но каждое утро мы с тревогой следили за этой процедурой, отмечая, что с каждым разом лед поддавался все с большим трудом, так как ночи становились все холоднее и длиннее, а намерзал он все ближе к центру водохранилища, заставляя прокладывать все более длинную дорожку до открытой воды. Серега каждый раз переживал, что в коробке передач «выбивает» задний ход, а отремонтировать ее в походных условиях мы не могли.

10. Погрузка сена

Пообедав, наша команда, в составе пяти человек – наш экипаж и Палыч, выдвинулись за сеном. Прицепив к фаркопу бульдозера сани, погнали его по просеке к стогам. Гнал бульдозер Кум, на стажерском сидении гордо восседал Палыч. Мы погрузились в сани и на свежем воздухе потряслись к исходной точке, в долину Семиречья.

На место прибыли довольно скоро. Сразу приступили к погрузке. Мороз стоять не позволял, нужно было двигаться. Очень усложняло нашу работу отсутствие вил. Приноравливались грузить вручную. Сворачивали руками пласт сена и толкали его в сторону вооруженного единственными вилами Кума. Тот аккуратно протыкал скрученный пласт сена вилами, чтобы не насадить на вилы того, кто его толкает, после чего поднимал сено и укладывал на сани. На санях постепенно стал расти стог, старательно нами укладываемый и плотно утаптываемый ногами.

До темноты работали без перекуров, только поэтому успели плотно сложить огромный стог на санях, погрузив три стога с земли. Последний стог заканчивали грузить уже при свете фар. Кум оценил работу, прикинул, что загрузили около четырех тонн. Работой были довольны. Жалко вилы были одни, а то управились бы в разы быстрее.

Назад ехали в темноте, при свете фар. Кум гнал бульдо-

зер, Виктор с Палычем втиснулись в кабину, разместившись на стажерском сидении и ящике с инструментами. Нам с Серегой не хотелось брести в темноте за бульдозером, поэтому мы забрались на самую вершину четырехметрового стога.

– Закопайтесь поглубже в сено и до моей команды, когда окончательно на месте будем, из сена не вылезайте и головы не поднимайте, а то на ходу ветками в темноте глаза повывивает, – напутствовал нас Кум.

Мы с Серегой так и сделали. Ехать было на четырехметровой перине из сена мягко, хоть и сильно иногда трясло. Когда протискивались между строем старых мощных листовниц, на нас сверху упало несколько крупных тяжелых веток. Но нам в глубине было безопасно, тепло и уютно. После хорошей физической работы мы крепко задремали, и уже на месте Куму пришлось долго орать снизу, пока мы сообразили, где находимся и что пора спускаться.

– Конечная!!! Трамвай дальше не идет! – объявил нам Кум, когда мы уже спустились на землю.

Бульдозером затащили сани с сеном на палубу «Катамарана», после чего довольные, с чувством выполненного долга, ушли спать.

11. Обновление меню

Ночью небо заволокло тучами, поэтому сильного мороза не было. Этой ночью наш бульдозер не заглох. Поэтому с самого утра мы с воодушевлением разгрузили сено с саней под один из бортов «Катамарана», аккуратно сложив огромный стог, постаравшись вытянуть его в высоту, с целью экономии палубного места под следующие партии сена и стоянку бульдозера на обратный путь по воде. После чего, вытолкали задним ходом сани с «Катамарана», приготовились с обеда к новой экспедиции за сеном. Бульдозер довольно тарыхтел на берегу, рядом стояли готовые к отправке сани.

Беда пришла, откуда не ждали. Снова полетел привод на малый масляный насос. О поездке за сеном не могло быть и речи. По крайней мере, до установки на бульдозер нового привода.

Заправили «Малыша». Серега «Пассажиром» прорубил ему выход к открытой воде. В поселок уплыли на «Малыше» Саня катерист с Серегой Белым. Заодно дали им поручение привезти запас продуктов, а то в последнее время рыба превратилась в нашу основную еду, так как наша миссия задержалась на гораздо больший срок, чем предполагалось и продуктов нам стало явно не хватать. Особенно хлеба.

Иваныч тоже на своей моторке ушел в Синегорье за запасом продуктов до установления прочного льда на водохра-

нилище, когда он мог пополнить их запас, съездив за ними по льду на снегоходе «Буран», который у него тоже тут же имелся.

Нам оставалось только одно – рыбачить, в надежде пополнить свои запасы провизии. Все свободное время мы сидели с удочками, но особого успеха в рыбной ловле не достигли. Хотя по несколько налимов за сутки мы вылавливали. Они то и составляли основной наш рацион питания.

Сергеа катерист из своей ТОЗовки подстрелил особенно докучавшую нам кедровку. Вредная птица ежедневно с утра занимала свой пост на вершине молодой лиственницы, в десятке метров от «Катамарана» и до вечера оглашала окрестности надрывным криком, комментируя любое наше появление или передвижение по палубе «Катамарана» либо рядом с ним.

И хотя кедровка, каким-то своим дальним коленом родословной, является родственницей обычной вороне, участь недаленовидной птицы была единодушно решена – она была мгновенно ощипана, выпотрошена и еще не остывшая теплая тушка была брошена в котел...

Пока варилась «дичь», я почистил несколько картофелин на шурпу. Когда выносил картофельные очистки с палубы «Катамарана», меня с неожиданным вопросом остановил Кум:

– Куда очистки понес?

– Я их в отвал высыпаю всегда. Если перезимуют, то вес-

ной в отвалах картошка прорастет. Тото Иваныч удивится! А осенью картошки себе на всю зиму накопает, – пошутил я.

– Далеко не выкидывай. Как бы нам их еще самим есть не пришлось...

Эта шутка Кума была не смешной. Да и по его виду не похоже было, что он шутит. Меня тоже, как и всех тревожило недельное отсутствие нашего «Малыша». И Иваныча.

Почему не приплыл «Малыш», было вообще не понятно. По всем срокам он уже несколько раз должен был добраться до нас.

С Иванычем дело было более или менее ясным – он при отплытии заявил, что хочет хорошенько у себя в Синегорье погулять. Надо продукты закупить, всех друзей повидать, с каждым встречу отметить. Выбраться ему удавалось в поселок не часто. А тут такой случай. Мы за его хозяйством присматривали. В зимовье его обосновался Палыч. Иваныч нам даже своих собак оставил – средних размеров серую сучку и крупного черного кобеля. Дворняги. Они целыми днями бегали по тайге в поисках пропитания, бесшумно появляясь и вновь пропадая среди деревьев. Иваныч с пищевым удовольствием их не особо баловал. Пусть мышкуют, любил он повторять.

Мышковали они и в самом деле удачно. Наверное, этим можно было объяснить полное отсутствие вокруг всякой мелкой живности, в первую очередь зайцев, рябчиков и куропаток, на которых мы так рассчитывали. О глухарях мы

уже даже не мечтали.

Но больше всего им понравилось «мышковать» у нас на «Катамаране», где ими было подметено все съестное, что мы не успели спрятать, в том числе свежепойманная рыба. Они умудрялись просочиться даже в рубку и каюту, чем приучили нас всегда держать все двери на запорах.

В окончательную опалу несчастные животные попали, когда умудрились стащить прямо из-под носа у Кума, во время рыбалки, кусочек несоленого свиного сала, которое шло на наживку при ловле налима. Сало было проглочено кобелем на глазах у Кума. Кум возмутился, что пес только понюхал сало, и тут же оно исчезло, будто тот его как пылесос в ноздрю втянул. Этот вопиющий вероломный факт настолько вывел Кума из себя, что он в бешенстве выгнал собак с территории нашего лагеря, наказав нам строго настрого не пускать их на пушечный выстрел к нашему расположению. Впоследствии с палубы «Катамарана» я иногда видел, как собаки тенью появлялись на берегу и, поведив носом в нашем направлении, пытаясь что-то унюхать, снова исчезали в лесу. С Кумом они выдерживали приличную дистанцию и в поле его зрения даже не появлялись, где бы он ни находился. Как говорится, чует кошка, чье сало съела. В нашем случае это были собаки.

На наживку мы стали использовать потроха ранее пойманных налимов. Что удивительно – хорошо клевало на жабры, насаженные на крючок. Наверное, в них содержалось боль-

шое количество крови, на запах которой приплывали новые налимы, которые являются довольно суровыми хищниками наших водоемов. Не брезгают они проглотить более мелких представителей своего вида. Каннибализм обычное явление в их обществе. Ничуть не постыдное и не предрассудительное для их морали.

Кстати сказать, когда шурпа из кедровки была приготовлена, она оказалась выше всяких похвал, при нашем плачевном положении с харчами. Хоть птица и имеет подозрительное неблагородное происхождение, но за лето хорошо откормилась калорийными орешками кедрового стланика, которыми теперь приятно пахло наше варево.

Когда все уселись вокруг стола, Кум начал разливать по железным мискам похлебку.

– Тебе крылышко или ножку? – участливо поинтересовался он у меня первого.

– Конечно, ножку! – обрадовался я.

– Тогда мне крылышко придется взять... – притворно вздохнул Кум.

После чего в мою миску упала тощая воробьиная нога кедровки, которая тут же утонула в бульоне. Следом Кум выудил черпаком из кастрюли крылышко, с мощной как у туриста грудной мышцей и довольно опустил ее в свою миску...

Кум перехватил мой взгляд и, не выдержав, расхохотался.

– Это же не курица, которая по земле на ногах бегает и но-

ги развивает. Кедровка постоянно летает, поэтому у нее другие мышцы развиты – грудные – наставительно меня учил Кум, не переставая хохотать. Я упорно молчал.

– В следующий раз я ножку возьму, а тебе крыло дадим – закончил Кум, после чего мы приступили к шикарному обеду. А то, что следующий раз будет совсем скоро, мы уже не сомневались, ведь наблюдательный пост нашей кедровки на молодой лиственнице заняла ее подружка, которая безудержно стрекотала, как радио, на все окрестности, ей отвечали такие же сплетницы из крон молодых лиственниц в глубине леса. Серега катерист молча достал из кармана куртки патрон и протянул руку за ружьем, стоявшим в углу рубки...

12. Полонка «Пассажира»

Собравшись у Иваныча в зимовье, мы упорно крутили ручку каналов его радиоприемника, в надежде услышать свежие новости. Ведь за прошедший месяц много чего могло в мире произойти. Мы даже предположили, что могла произойти крупная техногенная или природная катастрофа, либо начаться ядерная война. Только этим можно было объяснить полное наше забвение. Но приемник плохо ловил радиоволну, а те каналы, которые нам удавалось прослушивать, пока не разрядились на нем батарейки питания, ничего информативного нам не говорили, в основном передавали музыкальные передачи.

Сам приемник был обычным. А вот антенна к нему заслуживает отдельного описания. На старую коренастую листовенницу, на высоту около десяти метров, был заброшен старый ботинок, к которому привязана тонкая медная проволока в полиэтиленовой изоляции. Эту проволоку у нас называют «звонковкой», ее применяют для прокладки в поле временной телефонной линии между шахтами или полигонами. От ботинка провод идет в зимовье, где прикрученный к обычной телескопической антенне радиоприемника значительно усиливает радиосигнал и количество принимаемых приемником станций. Все гениальное просто, повторяю.

У нас на «Пассажире» имелась радиостанция. Но сколько

бы мы ни пытались выходить на связь, нам никто не отвечал. Наш сигнал глушила высокая длинная сопка, отвесно нависшая над нашим заливом на протяжении нескольких километров.

А тут новая напасть – полетела коробка переключения передач на «Пассажира». Задний ход у катера пропал окончательно. Работал только передний. Сам катер стоял носом к берегу. Мы, при всем желании, теперь уплыть домой не могли. С каждым днем лед становился все толще, а колоть его без «Пассажира» мы не могли. Постепенно наш флот все сильнее сковывали льды. Мы невольно повторяли судьбу папанинцев. Но зимовать во льдах нам очень не хотелось, тем более без запаса продовольствия и приличной зимней одежды.

Сначала мы пробовали обкалывать лед вокруг наших катеров длинным и тяжелым стволом лиственницы. Держа ствол за вершину, толстой увесистой частью комля мы вертикально, как ломом били по льду с бортов катеров, обходя их так по периметру. Но через несколько дней лед стал такой толщины, что перестал даже трескаться под нашими ударами. Бревно отскакивало от него и, скользя, съезжало в сторону, чертя белую линию по льду.

Еще одна неприятность – энергетики на Колымской ГЭС продолжали ударными темпами снижать уровень воды в водохранилище. Наша флотилия рисковала остаться на берегу, подобно выброшенным на берег китам. В нашем заливе уро-

вень воды заметно упал. Даже плавающая баня в своей уютной бухточке одной стороной села на мель и теперь вмерзла в лед, заметно накренившись на другую сторону, которая еще оставалась на плаву.

13. Ожидание

Стало понятно, что по такому толстому льду «Малыш» к нам уже не пробьется. Значит, на выручку могли прийти только два катера, которые сейчас таскали паром нашего прииска между поселками Обо и Мой-Уруста.

Оба катера довольно мощные. И даже если бы за нами прислали один из них, то он бы еще мог вполне справиться со льдом и отбуксировать нас в порт приписки. Правда, с четырьмя тоннами сена вместо ожидаемых двадцати. Но катер не присылали...

Между тем, основной нашей задачей оставалась добыча пропитания. Ежедневным блюдом на нашем скудном столе была жареная рыба и бульон из кедровок. Правда, из рыбы ловился только налим, да и то, как-то нехотя, только изредка радуя нас приличными экземплярами, хотя и не посягающими на рекорды книги рекордов. Хорошо, что растительного масла и соли у мужиков на катерах оказалось в достатке. Мука также была запасена немного. На скромные лепешки еще хватало.

Кедровки, потеряв в неравной подлой битве несколько особей и поняв, что мы являемся довольно опасными для них хищниками, стали выдерживать приличную дистанцию от нашего лагеря, чем лишний раз подтвердили свой ум и сообразительность. Сереге приходилось все дальше ходить

за ними в тайгу. Да и патронов осталось лишь несколько штук. Никто не ожидал такой развязки. Ехали то на несколько дней.

Хорошо, что Палыч прихватил с собой свою двустволку. Он тоже приносил иногда неосторожную кедровку.

Близко к «Катамарану» эти навязчивые шумные птицы больше не прилетали. Но стоило отойти от нашей базы на сто метров, как откуда-то появлялась одна, а иногда две три кедровки и преследовали тебя, перелетая вслед за тобой с дерева на дерево и оглашая истеричным криком все окрестности о твоём появлении, информируя всех обитателей леса о твоём маршруте в мельчайших подробностях. Достаточно было подхватить с земли палку и прицелиться в них, как они тут же снимались с веток и резво уносились за деревья, размахивая крыльями с максимальной скоростью.

Бульдозер наш уже давно стоял заглушенным на берегу. Мы надеялись на скорую эвакуацию, поэтому решили, что было бы нелишним загнать его на палубу «Катамарана». Соллярки уже у нас не было, закончилась даже та, что содержала большое количество воды. Поэтому и «Пассажир» не прогрел свой дизель. Над базой стояла звенящая тишина, воздух был морозен, свеж и чист. Без противного запаха выхлопных газов от дизельных двигателей. Все окрестности давно были укрыты нарядным пышным одеялом из свежего чистого снега. До весны он уже не растает.

14. Последняя стоянка бульдозера

Тишину распорол резкий звук заведенного нами «пускатча» (предпускового двигателя, который раскручивает и заводит дизель). Но дизель мы даже не собирались запускать. По предложению Кума, работающий на первой скорости «пускатч» соединили с дизелем, включили коробку передач бульдозера на первую скорость. И бульдозер медленно, по миллиметрам, кряхтя и щелкая застывшим железом гусеничных цепей, нехотя двинулся вперед, к аппарели «Катамарана».

За рычагами сидел Кум, Виктор сидел на корточках на гусенице, изредка переступая с башмака на башмак гусеничной цепи, которая едва двигалась вперед. Его задачей был контроль «пускатча», чтобы он не заглох под такой нагрузкой. Виктор периодически тянул рукой тягу, подающую бензин в карбюратор, когда «пускатч» пытался умолкнуть. Этим он добавлял топливо в карбюратор, иногда отжимая тягу в обратную сторону, чтобы карбюратор не захлебнулся. Иногда Виктор плескал в открытую крышку карбюратора бензин прямо из бутылки, которую держал в другой руке. Таким образом, бульдозер, едва двигаясь, вполз на аппарель, когда я по звуку работающего «пускатча» понял, что работает он как-то не нормально. Конечно, это при условии, что его прежнюю работу можно считать нормальной, когда его «поили» прямо из бутылки.

Я подошел к бульдозеру со стороны «пускатча» и увидел, что с одной из двух свеч зажигания слетел силовой провод, подающий искру от магнетто. А это значит, что «пускатч» работает вполовину своей силы, только на одном цилиндре. Я протянул руку, чтобы поправить провод на место и почувствовал мощный удар электрического тока от этого провода. Электричество «пробило» оплетку кабеля. Так меня током еще не било. Я почувствовал, что электричество вошло через мою правую, протянутую к «пускатчу» руку, держащую провод, а вышло через левую пятку и левый каблук кирзового сапога, подбитого медными гвоздями. Как раз левой ногой я упирался в металл гусеницы бульдозера. Этим ударом меня парализовало и примагнитило к проводу и гусенице. Виктор заглушил «пускатч».

– Ты зачем руки суешь, куда собака никогда свой ... не сунет?! Жить надоело?! – орал на меня Кум.

– Так там же только 12 вольт, чего так потрянуло то меня? Я вообще ничего почувствовать не должен был – оправдывался я «под впечатлением».

– Это в бульдозере от генератора двенадцативольтовое оборудование, а магнетто на высоких оборотах до четырнадцати тысяч вольт развивает. Хорошо, что ампераж маленький, а то точно бы убило. У нас в армии пацан за клеммы аккумулятора схватился и сгорел. Вольтаж маленький был, зато ампераж высокий.

Виктор поправил на место провод, после чего с кривого

стартера снова завели «пускач» бульдозера и, прогнав его на «пускаче» вперед еще на несколько метров, заглушили посреди палубы катамарана.

– А я что говорил? Говорил – получится! – радовался Се-рега Кум, гордо обводя нас взглядом.

– Мы так из болота не один бульдозер своим ходом вы-тащили. Даже когда плотно сидит и на первой скорости не идет, даже когда другим бульдозером вытащить не можешь – на «пускаче» всегда вылезет! Запоминай! – это Кум уже ко мне обратился.

И я запоминал. Ведь отрицательный опыт – он самый по-лезный. Много чего полезного я вынес из этой неудачной ко-мандировки за сеном. Как, например, использовать танко-вый самовытаскиватель, с помощью которого через год су-мел самостоятельно вытащить бульдозер из болота, приме-нив в качестве самовытаскивателя бревно и толстую сталь-ную проволокукатанку. До сих пор с гордостью вспоминаю глаза более опытных коллег, когда с помощью этого нехит-рого приспособления самостоятельно выбрался из болота, в котором почти по самую кабину торчал мой бульдозер. Ко-торый я там сам же лихо утопил перед этим. Если бы этот но-мер не удался, то пришлось бы несколько километров идти до полигона за другим бульдозером. И растянулась бы эпо-пея не на один час. А там не факт, что смогли бы мне помочь, при этом, не посадив в болото второй бульдозер. И не такое еще бывало.

15. Начало пути

Мы продолжали жить в катере. Спальных мест уже всем хватало. Серега-катерист перебрался из рубки к нам, в каюту. Или в трюм – это как посмотреть. В каюте топилась печка и было тепло, даже несмотря на то, что за тонким бортом судна была студеная вода Колымы, сверху покрытая уже приличной коркой льда. В рубке уже было холодно спать. Серега откидывал одеяло с дверного прохода – мы внизу мерзли, когда плотно его занавешивал – мерз он сам. А так все вместе с плотно закрытой дверью и одеялом, запасом дров на ночь, мы пока беды не знали. Палыч ночевал в зимовье Иваныча, там тоже было тепло.

Так как помощь к нам не спешила, а продукты убывали быстрее, чем мы могли себе позволить успеть наловить рыбы и настрелять кедровок, было решено послать за помощью на прииск ходоков. Заодно убавилось бы число ртов.

Кому идти вопроса не возникло. Так как среди всей нашей компании валенки оказались только у меня и Виктора, было решено, что пойдем мы вдвоем. Одежда тоже у нас была достаточно теплая. Я теплую одежду и валенки с собой взял, чтобы не мерзнуть на ночной рыбалке, а Виктор раньше работал в геологоразведке, решил подстраховаться, так как опыт в тайге, это первое дело. Как поговаривал один мой знакомый: «– На Колыме не мерзнет и не болеет не тот, кто

лучше закален, а тот, кто лучше одет». С этим никто и не спорил. Еще он часто повторял, что видел много до смерти замерзших на Колыме, но ни одного не видел до смерти распаренного.

Следующим утром, когда я проснулся, Виктор уже был на ногах. День был морозный и солнечный. Ночью ударил хороший мороз.

Я предложил Виктору обойти наш залив по берегу, потом войти в распадок ручья Дачный и уже по нему идти в сторону бывшего поселка Сибик-Тыэллах. Сейчас там база старателей, должны быть люди и связь. По воде это около восемнадцати километров. Но лед еще тонкий, особенно к центру водохранилища, идти рискованно. Идти вдоль береговой линии тоже неразумно – слишком много по пути бухт и мысов. Много километров намотаем, тем более что местами сопки очень крутые, замучаемся по ним лазить. Поэтому путь выбрали напрямик, через сопки, через распадок ручья Дачный.

Виктор мне предложил спрямить путь до Дачного по льду нашего залива. На мои возражения, что лед тонкий и идти опасно он мне указал на цепочку следов, ведущих от катамарана в сторону ветхих полуразрушенных строений на том берегу, а потом возвращающихся обратно. Оказалось, пока мы спали, Кум сходил на другой берег залива, потом вернулся, да еще приволок несколько запчастей к ходовой части старого бульдозера Т-100, решив их модернизировать и установить на Т-130 или даже на более современную маши-

ну Т-170.

После нехитрого завтрака, мы с Виктором нацепили свои рюкзаки и отправились по льду на другую сторону залива, к месту, куда в него впадает ручей Дачный, вырываясь из своего тесного распадка.

Сначала ступали по льду очень осторожно, но он был прочен, ни разу не треснул, даже не прогибался под нами. Тогда мы пошли уже смелее. На середине залива осмотрелись. Наш залив реки Кюель-Сиен промерз до выхода в водохранилище, почти на километр. Мы постояли несколько минут, послушали – не торопится ли в нашу сторону спасательный катер? Стояла звенящая тишина. Он не торопился...

Мы дошли до входа в распадок, еще раз оглянулись на наш лагерь на той стороне залива, казавшийся теперь таким уютным и родным, по сравнению с той неизвестностью, которая нас ожидает. Вокруг все было укрыто чистым белым снегом, вся бухта была скована прочным льдом, над «Катамараном» вился легкий белый дымок печки, обогревающей каюту, на террасе стоял укрытый снегом недостроенный коттедж и небольшое зимовье Иваныча рядом с ним. Из печной трубы зимовья тоже вился дымок. Мы еще раз обвели все это великолепие взглядом и шагнули со льда бухты на берег. Нас ожидала длинная и трудная дорога.

16. Вверх по ручью Дачный

В распадке Дачного ветра не было, идти было не очень трудно, так как снега было не много. Но мы, экономя силы, старались идти по льду замерзшего ручья. Там и снега было поменьше, и путь ровнее.

Через некоторое время заметили, что идти по льду оказалось не самым удачным решением, так как ручей петлял, прижимаясь то к правому, то к левому склону распадка, что вынуждало нас проделывать лишние километры пути. Окончательно мы решили идти по тайге вдоль ручья после того, как несколько раз провалились в ручей – в тех местах, где течение ручья было более сильным, лед был еще тонким. Воды было мало, поэтому мы остались сухими, но на мокрые валенки налипал снег, и они становились просто неподъемными. Приходилось вымораживать валенки и ножом счищать с них снег. Несмотря на это, валенки во льду все равно имели приличный вес. В этих валенках мы и продолжали наш путь.

По распадку проходила ЛЭП (линия электропередачи), которая состояла из трех толстых оголенных многожильных алюминиевых проводов, идущих по вкопанным в землю деревянным столбам. К столбам были прикручены керамические изоляторы, на которых и крепились эти провода через равные промежутки. Вдоль этих столбов мы и шли.

Проводником выступал я, так как в детстве проживал в

этих местах. Я жил в поселке Сибик-Тыэллах, или просто Сибик, как мы его обычно называли. А поселок Юбилейный находился в двадцати километрах от него, на берегу реки Кюель-Сиен, там сейчас ждали помощи наши товарищи.

До наполнения Колымского водохранилища от Сибика до Юбилейного была проложена грунтовая дорога, которая сейчас была на дне. Я с детства помню, что мы ходили за брусничкой и грибами на Медвежьей сопке, по которой с Сибика на Юбилейный убегала ЛЭП. По столбам этой ЛЭП мы сейчас и шли на Сибик. Но с Сибика по этой ЛЭП дальше, чем вершина ближайшей к поселку Медвежьей сопки, я не ходил. Поэтому двигаться вдоль ЛЭП было самым простым решением. Тем более, что ЛЭП прокладывают более прямыми участками, чем автомобильные дороги. Мы собирались значительно срезать наш путь, пусть и за счет неудобной дороги, более крутых подъемов на сопки и спусков с них. Мы же не на колесах и даже не на гусеницах, значит пройдем.

Пройдя несколько километров вглубь распадка, мы обнаружили старые горные отработки. Было интересно видеть, как тайга за несколько десятков лет затянула свои раны, нанесенные ей человеком. О том, что в этом месте когда-то мыли золото, свидетельствовали только несколько отвалов крупных гладких валунов. Все остальное заросло кустами карликовой березки, молодой лиственницей. Архаичными выглядели фрагменты ферм промывочных приборов, собранных из деревянных деталей. У нас на прииске уже давно

применяются металлические конструкции. Они более прочные, легче и быстрее монтируются, демонтируются. Немного отдохнув, разглядывая эту античность золотодобычи, мы продолжили свой путь.

По пути нам попалось строение, которое когда-то являлось чьим то зимовьем. За давностью лет крыша была провалена, окошка, двери и печи с трубой не было. Не ошкуренные бревна стен были трухлявыми, их дерево легко крошилось в руке, их легко можно было проткнуть пальцем. Если бы строители не поленились и перед укладкой стен сняли с бревен кору, то до сих пор это строение было бы вполне в приличном состоянии. Отдохнув возле него, мы продолжили свой путь.

Так как распадок в своем верховье раздваивался, то мы пошли вверх по левому его рукаву, если смотреть по течению ручья. Распадок все круче поднимался вверх, слой снега под ногами становился все выше в верховьях ручья. Левый рукав мы выбрали по простой причине – по нему проходила ЛЭП, по которой мы продолжали идти.

Распадок все круче поднимался к своему истоку, мы все чаще останавливались и падали на снег. После пятиминутного отдыха, восстанавливали дыхание и снова карабкались вверх, почти по колено в снегу.

Когда до вершины сопки, с которой начинался текущий по этому распадку ручей, оставалось несколько сот метров, мы в очередной раз присели отдохнуть. Снега тут было мень-

ше, так как на крутом склоне он не задерживался, ссыпаясь вниз. Я обратил внимание Виктора на стоящую рядом опору ЛЭП. На крутом склоне она стояла ровно вертикально, над нами гудели туго натянутые провода.

– Витя, это сколько же лет она тут стоит?

– Давно, со сталинских времен, – развел он руками.

– Но как ее поставили на таком крутом склоне? Это же не реально. Сюда бульдозер не загонишь – перевернется, – удивлялся я.

– Не было тогда бульдозеров. Зеки «пердячим паром» тащили и ставили. Все вручную. Столб под опору, скорее всего, сверху спустили, так легче было бы. А мы с тобой сами себя все никак на вершину не поднимем. Вставай, вершина сопки уже рядом.

Через десять минут мы были на вершине сопки, которая длинным хребтом преграждала нам путь. Мы стояли и смотрели вниз. Вопреки нашему желанию увидеть там Сибик, видели мы впереди очередную точно такую же сопку, которая своим длинным хребтом также стояла поперек нашей дороге, пролегая параллельно нашей сопке.

Между этими двумя хребтами, поперек нашему пути, проходила длинная средней ширины долина. По ее дну шла еще одна ЛЭП. Но уже поперек нашей линии, которая спускалась в долину, потом пересекала ее и весело убегала на вершину следующего хребта, на который мы сейчас в недоумении смотрели.

– Что думаешь? По какой ЛЭП дальше пойдём? – повернулся ко мне Виктор.

– Думаю, надо идти по той, что и идем. Боюсь эта ЛЭП, что идет по долине под нами, приведет нас к воде водохранилища, гораздо левее, чем нам нужно.

Спускаться было трудно. Вся долина по колено и выше была завалена снегом. Чтобы продвигаться по нему, приходилось затрачивать много сил. На самом дне долины снега было чуть меньше. Еще предстоял такой же трудный подъем на следующий хребет. Я никак не мог собраться с силами, совсем выдохся. Очень вовремя Виктор предложил сделать привал.

Пока я наломал сухих нижних ветвей с крупных лиственниц, он ножом наколот льда ручья, который замерз на дне долины. Прямо на льду развели костерок, подвесили над ним литровую консервную банку с проволочной ручкой – наш импровизированный походный котелок, который предварительно набили чистым и невероятно прозрачным, как крупные бриллианты, льдом. Пока лед таял, мы отдохали у костра. Идти никуда не хотелось. Хотелось вечно сидеть у костра и смотреть на огонь, изредка подкармливая его сухой смолистой веткой и подкладывая лед в котелок, по мере того как он таял и уменьшался в объеме.

Наконец вода в котелке закипела, и Виктор достал из рюкзака маленькую начатую пачку чая и заварил довольно крепкий напиток. Мы разлили быстро стынувший на морозе чай

по кружкам и, так как сахара у нас не было, добавили в него сгущенное молоко. Больше у нас собой ничего не было из продуктов – только маленькая начатая пачка чая и банка сгущенки, которую Виктор также достал из рюкзака и пробил ножом в ней две дырки, чтобы густой струей на морозе налить в кружки сгущенное молоко.

После отдыха и чая со сгущенкой у нас заметно прибавилось сил, улучшилось настроение, и мы приступили к восхождению на последний хребет. На этот раз не стали штурмовать сопку в лоб, карабкаясь под проводами ЛЭП, а пошли по наиболее пологому склону, оставив ЛЭП несколько в стороне.

Шли, как и раньше, друг за другом. Тот, кто шел первым пробивал дорогу в снегу, идущий по его следу отдыхал. Если это было отдыхом. Потом менялись. В один из моментов я заметил, что стал отставать от Виктора, который впереди вдруг стал шагать невероятно гигантскими шагами.

– Витя, у тебя второе дыхание открылось? – окликнул я его.

– Нет, просто впереди кто-то недавно прошел, я по его следу иду, так легче, – отозвался он.

Когда мы поменялись с Виктором местами, и я пошел впереди, то тоже шел по следам крупного животного, скорее всего сохатого, судя по ширине его неторопливого шага. Нам же приходилось далеко выбрасывать вперед ноги, чтобы идти за ним след в след. Временами сохатый останавливался у

кустов, откусывал верхние тонкие веточки, оставлял на снегу небольшие желтые метки мочи и брел дальше. Мы шагали за ним, но его так и не нагнали, даже издали не увидели.

Недалеко от вершины сопки мы сошли с его тропы и повернули прямо на вершину хребта. Оставалось перевалить через него – и мы на Сибике.

17. На Сибик

Когда поднялись на вершину, долго стояли в недоумении. Я видел внизу широкую, пропаханную отступающими ледниками долину ручья Сибик-Тыэллах. Видел сам ручей, сверкающий местами из-под снега льдом. На месте была и горная система хребта Черского, с крутыми эффектными пиками невероятной красоты. С ближайшим к нам красивейшим величественным пиком Властным, живописно нависающим над нами. Справа от него торчит острая гигантская скала, в половину километра высотой, которую у нас на Сибике всегда называли Чертов Палец. После гибели американского космического корабля «Челленджер» альпинисты переименовали скалу именем погибшего челнока, за ее сходство со стоящей перед стартом ракетой. Теперь во всех справочниках скала так и именуется – туристический объект скала Челленджер, отвесные стены которого являются излюбленным местом восхождения альпинистов и скалолазов.

В общем, все было на месте. Все эти объекты можно было наблюдать из поселка. Одного не хватало – самого поселка Сибик-Тыэллах...

– Где поселок? – угрюмо прервал затянувшуюся паузу Виктор.

– Сам не пойму, вот тут должен стоять... – показал я рукой на долину с первозданной природой.

И тут я понял, где мы находимся. Я повернулся к Виктору:

– Мы находимся в районе Стоозерки. Вот эти маленькие круглые блестящие блюдца внизу в долине – это лед небольших замерзших озер, со льда сдуло снег и он блестит. Узнаю это место. После восьмого класса мы с пацанами проходили через Стоозерку, когда ходили на озеро Джека Лондона.

– Где Стоозерка находится? – пытался сориентироваться Виктор.

– Примерно посередине между поселком Сибиком и Джеком. Налево – Сибик, направо – Джек.

– Точно?

– В этот раз точно, – пытаюсь реабилитироваться.

– А сколько километров от Сибика до Джека?

– Восемнадцать...

– Тогда пойдем, – Виктор первым стал спускаться в долину Сибика-Тыэллаха. Я последовал за ним. Я был готов сгореть от стыда. Это надо же было так промахнуться. На девять километров... Тоже мне, проводник называется. Одновременно я думал, почему это произошло.

Проанализировав случившееся я понял, что ЛЭП, по которой мы пошли, выходила с Дачного не на Сибик, а шла в противоположном направлении, на Синегорье, хотя сначала распадок вел нас в нужном направлении. Но потом нам, возможно, нужно было идти по его правой вершине, а мы пошли по левой, уйдя в сторону от Сибика. Хотя возможно правильно сделали, что пошли по левому истоку ручья, ведь

могли спуститься с перевала прямо в воду водохранилища, в один из многочисленных его заливов.

Второй раз мы возможно ошиблись, когда не пошли по ЛЭП, идущей по дну долины поперек нашему пути. Пойди мы по ней влево, мы могли выйти по ней прямо на Сибик. Судя по всему, это была та самая ЛЭП, которую я видел в детстве с вершины Медвежьей сопки. Мы бы сократили свой путь на несколько километров. Но и в этом случае не было гарантии, что эта ЛЭП не уходила под воду одного из заливов водохранилища.

Мои размышления прервались, когда я наткнулся на спину внезапно остановившегося Виктора. Он осматривал какую-то постройку на склоне сопки, хорошо укрытую среди молодых лиственниц и тонких стволов березок.

Подойдя ближе, мы увидели, что это был заброшенный скрадок для охоты на глухарей. Стены и крыша его состояли из нескольких жердей, печки не было. А мы уже подумывали о ночлеге, так как на тайгу опускались густые сумерки. А идти еще было далеко. Да и усталость брала свое.

– Смотри, – Виктор показал мне на одну из толстых жердей.

Подойдя ближе, я увидел вырезанную ножом надпись на затесанной стороне почерневшей от времени жерди:

«Синегорье»...

– А если и правда, в обратную сторону идем, в Синегорье? – озадачил меня Виктор.

– Тогда приходим в Синегорье, ночуем как бичи, в какой-нибудь теплотрассе, а утром идем сдаваться в милицию. Там объясним кто мы, откуда. Пускай выручают. Но мы точно на Сибик попадем, если спустимся и налево пойдём. Это сибиковская долина. Синегорье в обратную сторону, направо, километрах в шестидесяти...

– Тогда спускаемся, – отрезал Виктор и снова первым пошел вниз со склона сопки.

– Уже почти темно, что делать будем ночью? – поинтересовался я у него.

– Будем идти на Сибик. Если станет совсем темно или сил не будет – будем ночевать у костра. А на Сибик пойдём с рассветом.

Перспектива ночевать у костра меня не радовала. Я знал, что сна не будет, мы не восстановим свои силы за такую ночь. Будем всю ночь жечь костер, греть Колыму. Паники не было, была огромная усталость. Мне уже приходилось спать в тайге у костра, но летом, когда тоже толком не поспишь, приходится часто поворачиваться с боку на бок, греться жаром от костра, да еще отбиваться от вездесущих комаров или мошки. А тут в конце октября, когда мороз за двадцать, но стремится к утру опустить ртуть в термометре до минус тридцати, внасквозь промокшей от пота одежде... Да и сухостоя поблизости не видно, все укрыто снегом. Олимпийское спокойствие Виктора вселяло в меня уверенность.

Когда мы спустились с сопки в долину Сибики, уже насту-

пила глубокая ночь. Небо было ясное, без туч и облаков. Это предвещало приличный ночной мороз. Но радовало, что было полнолуние. В свете полной Луны, мы уверенно брели по долине ручья Сибик-Тыэллах, в поселок Сибик-Тыэллах.

По мере того, как мы спускались с сопки, снега становилось все меньше и меньше. В самой долине его было вообще на редкость мало. Мы брели по просеке высоковольтной ЛЭП. Это была более мощная линия, шла она по анкерным столбам. Судя по гудению, исходившему от проводов, они были под напряжением. Это подавалось электричество в поселок Сибик-Тыэллах с Колымской ГЭС, со стороны Синегорья, поселка гидростроителей, в котором сейчас проживали и работали работники, обслуживающие эту ГЭС.

Сам поселок Сибик-Тыэллах был расселен в 1986 году, в связи с окончанием строительства ГЭС и ожидаемым наполнением водохранилища. Но, как и Мой-Уруста, после затопления намеченной территории, он не был затоплен, а оказался на берегу водохранилища. Под водой оказалось лишь несколько строений, в том числе поселковая котельная. Под поселком оказались хорошие запасы россыпного золота, которое стала успешно добывать вновь организовавшаяся артель старателей «Сибик». Стан артели находился на месте бывшего поселка. Жили старатели в домах, оставшихся от поселка. Вот в эту артель и подавалось электричество с ГЭС.

Судя по морозам, артель свою работу должна была свернуть до следующего промсезона, ведь золото моют до тех

пор, пока вода течет. Только в исключительных случаях начинается эпопея с «теплыми» приборами, нагревом воды, кострами и тому подобными излишними неудобствами.

Но «Сибик» из года в год стабильно добывал хорошее золото при высоком его содержании в песках, поэтому мы рассчитывали там увидеть только сторожей, оставленных до весны сторожить артельское имущество. У них всегда бывает рация для связи с «большой землей» и информирования руководства об обстановке на базе, вызова помощи при необходимости. По рации мы и рассчитывали связаться с прииском, вызвать помощь.

Ну а пока мы молча, как тени, медленно брели по широкой ровной долине, едва переставляя от усталости ноги. Я уже потерял счет времени. Дорогу нам хорошо освещала полная Луна. Даже не знаю, сколько часов мы шли, когда впереди услышали стук бурового станка, а чуть позже такой родной и знакомый свист турбонадува дизеля бульдозера. Почти сразу увидели свет окна. Это в передвижном вагончике-«тепляке» горела лампочка. Возле вагончика работал буровой станок, рядом деловито ковырялся бульдозер, сустились бурильщики.

По приставному трапу мы поднялись в вагончик, стоящий на высоких металлических санях, в нем находился лишь один горный мастер. Он принял нас настороженно. Оно и понятно. Не каждую ночь из тайги выныривает пара уставших бродяг, и вваливается к тебе в «теплек».

Он напоил нас чаем с сахаром и печеньем, больше в «теп-ляке» ничего не было, кроме служебной документации, печки и запчастей. Объяснил, что сейчас здесь работает геологопоисковая партия. Пока болота промерзли и нет сильных морозов, бьют скважины – пробы на золото берут. К Новому году постараются выбраться отсюда.

Поскольку он продолжал с подозрением на нас коситься, мы ему объяснили, что идем с ручья Кюель-Сиен, в устье которого сковало льдом весь наш флот с бульдозером и четырьмя тоннами сена на борту. После чего распрощались и пошли дальше, на Сибик. После короткого привала я с трудом встал на непослушные ноги, которые категорически отказывались идти дальше.

– Ничего необычного в поведении горного мастера не заметил? – повернулся ко мне Виктор, когда мы отошли на десяток шагов от вагончика.

– Да нервный какой-то, может по работе что-то не ладится.

– Нет, он нас за «хищников» принял.

– Нас?! С чего бы это?

– А что бы ты на его месте подумал? Пришли со стороны озера Джека Лондона, но ни одного ружья или удочки на двоих. Да и одеты скорее по рабочему, а не как охотники и рыбаки. А когда ты ему прою Кюель-Сиен сказал, он аж в лице переменялся и на полметра от нас отодвинулся. Думаешь, он про сено поверил? – улыбнулся Виктор.

– Да, дожили... Уже друг от друга начали в тайге шараться. Вот почему он так обрадовался, когда мы оставили его и дальше пошли.

– Далеко до Сибика еще? – Виктор вглядывался в темноту.

– Мы прошли Топкие озера, геологовбуровиков встретили в районе Черного озера. Еще два, ну от силы три километра и мы на Сибике.

В течение часа мы не спеша дошли до дома сторожей старательской артели «Сибик». Этот дом мы еще издалека заметили по висящему над ним электрическому прожектору, так расточительно освещающему всю округу. На него, как на маяк, мы и шли последний километр к остаткам поселка Сибик-Тыэллах, расположенным на берегу водохранилища.

18. Ночь у сторожей

Сторожа лишь сначала удивились нашему появлению среди ночи. Нас накормили поздним ужином и уложили спать. Оба сторожа, которые готовились к зимовке на стане артели, нам рассказали, что знают о нашей истории.

С их слов, руководство нашего прииска договорилось с руководством их артели о том, что они направят нам на помощь свой катер. Но катер к зиме уже был выставлен на берегу, на поддерживающих его днище деревянных брусках, как на стапелях. Для спуска катера на воду в артель были направлены судоводитель катера и машинист тяжелого японского бульдозера «Коматцу».

Дело в том, что у артели «Сибик» был катер класса река-море. В наших краях это был самый мощный и не боящийся льдов катер. Наши катераречники с ним ни в какое сравнение не шли. Нередко, когда разыгрывался приличный шторм на водохранилище, или Колымском море, как чаще мы его называли, все катера оставались у берегов, где их застанет непогода. Только катер «Сибик», названный в честь артели, спокойно уходил в открытые воды и невозмутимо возвращался назад, выполняя свою работу по перевозке грузов и людей в любую погоду.

Я лежал в теплом, хорошо протопленном помещении и думал, что тут гораздо удобнее спать, чем в тайге у костра.

Несмотря на усталость и сытый желудок сон никак не шел, как я ни старался уснуть. Я ворочался с боку на бок и переживал события прошедшего дня. Сон упорно не шел. Да еще было такое ощущение, что ноги сами, непроизвольно от моего на то желая, даже вопреки ему, упорно продолжали куда то маршировать, не желая насладиться заслуженным отдыхом.

Ночью я слышал, что кто-то приходил к сторожам, просил похмелиться. Те раздраженно выговаривали своему визитеру, что он выпил все возможное спиртосодержащее и находящееся в жидком агрегатном состоянии, даже лекарства и настойки из аптечки.

Утром оказалось, что Виктор тоже плохо спал этой ночью, и все происходящее также слышал. Сторожа нам пояснили, что это прибывшие спасать наш Катамаран работники артели дали волю эмоциям после окончания промывочного сезона. Потому уже неделю никак не могут спустить на воду свой катер, несмотря на то, что все жидкое спиртосодержащее уже закончилось. Осталась лишь вода в Колымском море. Ведь в артели весь промсезон, а это примерно с апреля по октябрь, соблюдается «сухой закон», за нарушение которого следует немедленное увольнение. Уже на протяжении нескольких лет артель стабильно перевыполняет план, ведь работает на нетронутых площадях, постепенно снося дома поселка и перебивая под ними пески с богатым содержанием золота, а не уже неоднократно перемытую и «техноген-

ку», с истощенным содержанием металла, которую от нужды часто вынуждены по нескольку раз перемывать другие артели. Поэтому своим рабочим местом в артели старатели дорожили, текучки кадров тут почти не было. Тем страшнее случались запои у некоторых старателей после окончания пром-сезона. Конечно, не все старатели так отдыхали после сезона. Но нам и тут не повезло...

19. Последний переход. Разведка

Позавтракав и переговорив со сторожами, мы догадались, что по понятным причинам в ближайшие дни катер спущен на воду не будет. Сидеть в артели смысла не было, поэтому мы с Виктором решили идти дальше пешком с Сибика на Мой-Уруста. Домой. Тем более, что по рации нам не удалось поймать прииск.

Раньше с Сибика на Мой-Уруста вела вполне приличная грунтовая дорога длиной восемнадцать километров, которая теперь тоже оказалась на дне водохранилища. Поэтому идти снова решили по ЛЭП. На этот раз это была линия, которая вела от Колымской ГЭС, возле Синегорья до Мой-Уруста, мимо озера Джека Лондона. Опорами были высокие мощные металлические фермы. Эта линия выходила на подстанцию в километре от Мой-Уруста. Линия с такими опорами была в наших местах только одна, поэтому сомнений в правильности ее выбора у нас даже не возникало, тем более мы эти опоры с Мой-Уруста каждый день наблюдали.

День выдался солнечный, как и вчерашний. И такой же безветренный. Идти было одно удовольствие, тем более что мороз был гораздо слабее вчерашнего.

– Ну что, веди, Иван Сусанин! – Виктор тоже был в хорошем настроении. Мы около месяца не были дома и успели соскучиться по родным и близким, поэтому бодро зашага-

ли от оставшихся домов бывшего поселка Сибик-Тыэллах в сторону Мой-Уруста.

Около километра мы прошли, пересекая поперек широкую сибиковскую долину, когда вышли к бывшему поселочку геологоразведчиков, который тоже относился к Сибику и назывался в просторечье Разведкой. Мы вышли к старой его части, которая была уже нежилой еще в пору моего проживания на Сибике с 1980 по 1985 годы и называлась она Старой Разведкой. Там, в период моего детства, сохранилось около пяти домиков и старая конюшня. Эти строения были одним из самых наших любимых мест для игр. Тем более, что домики уютно располагались вдоль сравнительно небольшой речушки, а точнее ручья Озерный, который истекал из Верхних или Верхненальческих озер, живописно расплескавших свои воды на большой высоте, в глубоком ущелье горного массива, недалеко от пиков Фестивальный, Бараний, Властный, Абориген. Самое верхнее озеро, словно огромное зеркало, отражает великолепие пика Чертов Палец (Челленджер), у подножия которого оно и расположилось. Этот горный массив, с величественно нависающим над Сибикум пиком Властный, почему-то у нас, жителей поселка, принято было называть Нальчиком. Интересно было порой наблюдать, как мужики с рюкзаками, из которых торчали складные удочки, уходили в болотных сапогах в горы. На рыбалку... В трех верхних озерах хорошо клевал на удочку хариус. Четвертое, пожалуй, самое большое по площади

озеро, находилось гораздо ниже, почти в долине и почему-то считалось, что там рыбы нет. По крайней мере, на моей памяти к этому озеру никто на рыбалку не ходил.

Все четыре Верхних озера, расположенных в ущелье в ряд, словно на нитку, нанизаны на ручей Озерный, к берегу которого мы теперь вышли. Несмотря на то, что ручей был небольшим, вода в нем никогда не прогревалась, даже в самую жару оставалось ледяной и невероятно чистой, вкусной. Поселковая водовозка, автоцистерна на базе «ЗИЛ-130» набирала питьевую воду прямо у моста и развозила ее по дворам поселка. Сюда же прогуливались многие жители Сибика, иногда с бидончиком, чтобы набрать и принести домой самую чистую, свежую и вкусную воду.

Дело в том, что этот участок ручья, метров в двести длиной, никогда не замерзал. Никакие лютые колымские морозы не могли сковать зимой его воды. Возможно, где-то рядом были выходы термальных источников. Во что трудно было поверить, вспоминая, насколько эта вода всегда ледяная летом. Рядом с ручьем, чуть ниже автомобильного моста из-под земли били круглый год два ключа, в них тоже вода была такая же чистая, холодная, вкусная и никогда не замерзала. К ключам через ручей, наиболее узкий и глубокий в этом месте, был переброшен деревянный пешеходный мост. В детстве мы часто бегали по нему, расчищали эти ключи, наблюдая, как вода жонглирует песчинками на их дне. Из ключей вода вытекала в ручей Озерный, а дальше он нес их воды к

слиянию с ручьями Олень и Сибик. Все ручьи раньше длительное расстояние текли параллельно друг другу, сливаясь в единое целое недалеко от впадения Сибика в реку Колыму. С поднятием уровня воды в водохранилище, все ручьи стали впадать в него раздельно, в огромный залив, затопивший немалую часть живописной долины Сибика.

По еще сохранившемуся небольшому автомобильному мосту мы перешли ручей и остановились осмотреться. Уже не было столь дорогих моему сердцу строений вдоль берега, ниже по ручью не было даже остатков колоссального сооружения – теплого прибора, на котором мыли золото в прошлые героические трудовые годы. Это было очень простым и в то же время гениальным решением. Ведь золото моют, пока течет вода. А тут она никогда не замерзала. Пацанами мы часто лазили по этому огромному, уже давно отработавшему свой век сооружению из досок и металла. Тут были остатки котельной с огромными вертикальными водогрейными колоннами. Всего этого уже не было. Был перепаханный бульдозерами невзрачный лунный пейзаж, с отвалами промытых горных пород, которые уходили под лед залива Колымского водохранилища.

Странно, но я не заметил ни одной бурой оляпки. Неужели они покинули эти места. Эти отважные птички, размером чуть больше воробья, героически ныряли под лед, и сквозь прозрачную воду можно было наблюдать, как они бегают по дну, собирая водных насекомых. И так раз за разом они

непрерывно ныряли, постоянно находились в движении. Мы в детстве часто за ними наблюдали. Этих птичек много было у ручья в этом месте. Они не улетали в теплые края осенью. Храбро зимовали с нами. Ныряли и зимой, со льда. А сейчас я не увидел ни одной...

Выше моста также располагались отвалы горной породы, оставшиеся после промывки золота артелью старателей «Сибик». Раньше на этом месте, метрах в пятистах выше по ручью, находилась Новая Разведка, состоявшая из десятка домиков, в основном жилых. Их жителей расселили вместе с жителями Сибики. Новая Разведка тоже располагалась в живописном месте, где ручей раздваивался выше домов, а сливался вновь воедино ниже их, по своему течению, образовывая огромный остров, на котором и находились постройки это поселочка.

Домиков обеих разведок было до боли жаль, ведь это были воспоминания из детства. А еще это были образцы воистину народного зодчества периода освоения Колымы. Любопытные постройки, где все было построено и пригнано с такой любовью, таким мастерством, что впору эти домики было передать для съемок кинофильмов про освоение Сибири, Дальнего Востока, Канады, Аляски, про жизнь отшельников, староверов, лесников, старателей. Лучших декораций по своей правдивости быта можно было и не отыскать.

20. Дорогу осилит идущий

Сразу за мостом крутой подъем вел нас к сопке, которую у нас на Сибики называли Террасой. Эта длинная, ровная как терраса, но не очень высокая сопка лежит вдоль протекающего, у ее подножья, ручья Олень. На Террасе всегда много было крупных подосиновиков, которые мы в детстве охотно собирали, если было не лень лезть на сопку, ведь со стороны поселка на нее был довольно крутой подъем, и забраться на нее можно было, лишь хорошенько попрыгав и цепляясь за стволы тонких лиственниц, растущих на обрывистом склоне. Зато спускаться обратно было одно удовольствие. Делая небольшой прыжок на месте или шаг вперед, ты пролетаешь несколько метров вниз и приземляешься на склон сопки, обильно поросший толстым слоем мягкого влажного мха. И так прыгаешь дальше. Удивительно, но за все время подобного передвижения мы ни разу не получили там каких-либо травм, не считая царапин о ветки и стволы деревьев, попадающихся по пути. Но это не в счет.

Мы с Виктором решили в лоб не штурмовать Террасу, а зайти на нее по пологой стороне. Как раз в нужном направлении вела дорога от Сибики, по которой мы шли. Если бы мы пошли по ней дальше, то через пару километров пришли бы в бывший летний лагерь Института Биологических Проблем Севера «Абориген». Но мы немного раньше вышли на

ЛЭП, ведущую на Мой-Уруста и пошли вдоль нее. Так без труда мы и поднялись на Террасу, откуда открылся великолепный вид на сибиковскую долину. Мы посмотрели на ручьи, текущие в этой долине, на остатки поселка Сибик-Тыэллах, на открывшийся вид сибиковского залива Колымского водохранилища. Лагерь «Абориген» был как на ладони. Мы рассмотрели сверху его аккуратные, словно игрушечные, домики, стоящие на невысоком яру над ручьем Олень, который в том месте образует каждую зиму наледь, не тающую целиком до следующих морозов даже в летнюю жару. У наледи летом на удочку хорошо ловится мелкий хариус.

В «Аборигене» никого не было. Дым из труб домиков не шел, снег был чист. Какие-либо следы или тропинки отсутствовали. К лагерю тоже ничьих следов не вело. А ведь в первой половине восьмидесятых в лагере кипела жизнь. Зимой там проживало несколько ученых. Они возили на снегоходах «Буран» своих детей в нашу начальную школу, где было только три класса, а потом дети учились вместе с нами в интернате на Мой-Уруста, приезжая домой на выходные и каникулы. Мы часто поджидали их возле школы и цепляли к снегоходам свои санки. Иногда «Буран» тащил целую вереницу за собой. Чаще всего веревки первых санок обрывались, не выдержав перегрузки, и мы шли гулять дальше, но иногда удавалось доезжать до ручья Озерного, или незамерзающего ручья, как мы его называли. Там нас отцепляли, мы прощались и около километра топали домой. Зимой по но-

чам с Сибика хорошо был виден прожектор, который горел в «Аборигене», освещая их лагерь. Ведь сам лагерь находился на невысоком склоне горы, но гораздо выше уровня Сибика.

Летом у биологов было оживление. К ним приезжали их дети, еще ученые из Магадана, из института. Много приезжало студентов. Мы иногда ходили к ним в гости. Для паванов от восьми лет и старше не составляло труда пройти около трех километров по дороге через тайгу. Принимали незваных гостей всегда хорошо. Обратно отправляли на своем грузовике «ГАЗ-66», попутно закупая в поселке продукты. Мы всегда с интересом рассматривали их лабораторию с кузнечиками и бабочками в цилиндрических цельностеклянных аквариумах под марлей, другие диковинки. Но наибольший интерес представлял небольшой искусственный пруд, в котором обитали тритоны, или сибирские углозубы, как нам поведали сами ученые. Возле Сибика много было различных луж и затопленных шурфов, устьев отработанных шахт, где хорошо прижились тритоны. Мы их часто там находили.

Немного полюбовавшись панорамой, мы двинулись дальше по ровной вершине Террасы. Тоска от увиденного разочарования того, что так мне было дорого в детстве, снова сменилась радостным ожиданием момента нашего прибытия домой.

Снега было мало, идти было легко, поэтому мы быстро пришли к ручью Кюннебелях, пересекающему наш путь. По

пологому склону Террасы спустились на лед ручья и стали карабкаться на крутой склон сопки, лежащей вдоль этого ручья. Цепляясь за чахлые стволы молодых лиственниц, мы влезли на сопку, где присели отдохнуть и осмотреться. Горный массив, который мы по привычке называли Нальчиком, относился к отрогам хребта Черского. Нам нужно было немного обойти эти горы, чтобы попасть на Мой-Уруста.

Неприятность заключалось в том, что горный массив напоминал огромное дерево, от которого, словно гигантские корни, спускались в сторону Колымского водохранилища хребты сопки, которые нам предстояло переваливать по пути. Терраса была первым, самым низким и легким из этих «корней». А сейчас мы с превеликим трудом вскарабкались только на второй. На вершине отдохнули и продолжили свой путь.

Спуск был продолжительным и пологим, идти было сравнительно легко и удобно. Как мы позже заметили, переваливая через эти хребты сопки, подъем на них всегда был трудным в виду их крутизны, а спуск с обратной стороны всегда пологий. Получается, что восточный склон этих сопки крутой, а западный пологий. Но не факт, что нам было бы легче, если бы мы двигались в обратном направлении. Ведь спускаться по такому крутому склону иногда тяжелее, чем подниматься.

Наконец склон сопки закончился, мы вышли на крепкий лед ручья Ошибка. Впереди нас ожидал шторм следующего,

боле крутого и высокого хребта... Так как мы уже изрядно устали, а привалов длительных еще не делали, то сейчас решили как следует отдохнуть. Тем более, что время было уже обеденное.

Мы, как и днем раньше, накололи ножами льда из ручья, набили им котелок, вскипятили чайку с дымком. С большим удовольствием выпили его со вчерашними остатками сгущенного молока и немного отдохнули.

Я вспомнил о рассказанной мне версии названия этого ручья. Ошибкой его назвали после того как стали отрабатывать шахтным методом россыпное месторождение золота, находящееся в долине этого ручья. Когда геологи провели разведку и сдали в эксплуатацию россыпь, то по документам там должно было отойти хорошее содержание золота. Но когда нарезали шахту, добыли и выдали пески «на гора», промыли их летом, то оказалось, что россыпь есть, но очень бедная по содержанию в ней благородного металла. Ошибка вышла!

Уже хотели бросать отработку этой шахты, когда пошло хорошее содержание золота в песках. Опять ошибка! Судя по всему, при документировании россыпи, геологи или маркшейдеры немного сдвинули координаты, при нанесении их на карту. Впоследствии в распадке ручья Ошибка было немало добыто золота. Недаром золото желтым дьяволом называют, много оно недоразумений и бед людям принесло. А сколько еще принесет.

Мы окинули взглядом распадок и залив Ошибки – нас

окружала первобытная колымская тайга. Нигде нет признаков вмешательства человека, кроме опор ЛЭП и идущим по ним проводам. Шахты остались на дне залива Колымского водохранилища.

На сопку карабкались долго и упорно. Много раз отдыхали, приводя в норму дыхание. Пот заливал глаза. Потом снова карабкались на трясущихся от напряжения ногах вверх, цепляясь руками за хлипкую растительность. Похоже, что мы вылезли больше на руках, чем при помощи ног.

На вершине этого хребта решили сделать еще один длительный привал для восстановления сил. Наградой за настойчивость и упорство нам был великолепный пейзаж, раскинувшийся внизу. Мы лежали прямо на снегу, на вершине хребта длинной сопки, и любовались этими видами с высоты птичьего полета.

Прямо перед нами, далеко внизу, разворачивалась великолепная панорама Колымского водохранилища. По берегам его уже стоял прочный лед, укрытый толстым снежным одеялом, заливы и бухты тоже все замерзли. Но огромная центральная часть Колымского моря, как чаще мы по привычке его называли, могла еще похвастаться открытой водой, которая медленно прогрелась за лето, а теперь также медленно и нехотя отдает свое тепло окружающей природе, постепенно сдаваясь зиме в неравной схватке. Ветра не было, стоял полный штиль, тяжелая свинцовая вода на море была темной и неподвижной как зеркало, отражающее окружающие

его крутые живописные берега, дикие сопки которых нарядно одеты в модные меха снегов. Солнце ослепительно светило и даже немного согревало. Трудно было поверить, что это осенний, а скорее уже зимний день. Больше было похоже, что уже пришла весна. Такое же светлоголубое, будто апрельское, прозрачное небо, редкие легкие облачка. Слегка голубые горы вдалеке, белые сопки. И звенящая тишина вокруг.

Еще поразила чистота и прозрачность воздуха. Он таким бывает только поздней осенью и в начале зимы. Летом постоянно идет испарение влаги, поэтому редко, даже в солнечный день, удастся так далеко что-то рассмотреть. Да и таежные пожары тоже вносят свою лепту в чистоту воздуха. Зимой от мороза туман стоит, ничего не видно. Весной солнце настолько ярко от снега отражается, что тоже невозможно что-либо рассмотреть вдалеке. А сейчас – великолепная видимость, до самого горизонта.

Слева над нами возвышался хребет Черского. Суровый и величественный красавец пик Властный, в окружении более мелких, но не менее красивых пиков и скал. Частично они были укрыты снегом, а там, где склон был близок к вертикали, непокорный серый гранит давал понять, что до весны не позволит себя укрыть снежной шубой.

Все-таки красива Колыма. Я всю область имею в виду. Не только реку, давшую название территории. Хотя и река тоже красива и сурова. С мощным течением. Это сейчас, ко-

гда водохранилище наполнили водой, оно стало местами достигать нескольких десятков километров между берегами, а раньше некоторые умельцы Колыму переплывали, несмотря на ледяную воду. Не все доплывали, правда... Не любит эта река панибратского к себе отношения. Как и вся территория. А красот и правда, у нас немало, думал я. Тут бы туризм развивать. Только экстремальный, для настоящих людей, крепких физически, а в первую очередь сильных духом. Хотя и есть опасения, что загадят всю эту хрупкую красоту. Тут еще культура человека важна.

Любопытно, что все мы, проживающие в Магаданской области, называем себя колымчанами. Но далеко не каждый колымчанин хоть раз в жизни видел реку Колыму, не говоря о том, чтобы руку опустить в ее воды. А тем более искупаться.

Вспоминались эпизоды из детства. Например, как в начальной школе, на Сибике, нас вывезли в мае автобусом на берег Колымы – ледоход посмотреть. Зрелище для детей впечатляющее и незабываемое. Когда ты стоишь на берегу, а мимо несутся и несутся огромные белоснежные льдины, уплывая куда то вдаль. Разве что белого медведя на них не хватает. Ощущение покоя и умиротворенности. И какой-то завораживающей первобытной силы природы.

Или как после шестого класса, гуляя в мае с товарищем по лесу, вышли на берег Колымы, в трех километрах от Мой-Уруста. Мы стояли на высоком речном берегу и смотрели на

лежащую внизу реку, еще скованную льдом.

На противоположном пологом берегу в Колыму впадала река Обо. Нам повезло увидеть как Обо, освобождаясь ото льда, несла его в свое устье, но Колыма еще стояла. Льду некуда было деваться, а сзади его подпирали следующие льдины, а там, на подходе, опять лед напирал. Они шумно выталкивали на лед Колымы передние льдины, образуя торосы и причудливые ледяные рыцарские замки, которые росли у нас прямо на глазах. Потом весь этот огромный массив льда, под напором течения Обо, с грохотом продвинулся в русло Колымы, где и остановился окончательно. По крайней мере, в этот день река дальше не пошла.

А после седьмого класса мы, компанией в шесть человек сбежали с уроков, в один из последних майских дней учебного года. После длительной и холодной зимы приятно было сидеть у костра недалеко от берега Колымы, печь картошку, пить чай с дымком из консервной банки, совсем по-взрослому курить и обсуждать планы будущих рыбалок на это лето. Солнце уже хорошо пригревало, хоть мы еще ходили в куртках и вязаных шапках. Зато еще не было комаров. Пушечная канонада заставила нас вскочить на ноги. Самые сообразительные из нас поняли, что это лопается лед на Колыме и сейчас он пойдет по реке, прыгнули на мопед и втроем укатили на самый берег. Мы же, оставшиеся тугодумы, бегом заскочили на высокий отвал отмытого грунта, оставшегося от золотодобытчиков. Этот отвал находился между нашим

костром и рекой, закрывая нас от холодного ветра с реки, покрытой сплошным льдом. Он же закрывал нам обзор на речную долину. С высоты отвала мы видели долину Колымы на несколько километров. Снова с реки раздался оглушительный гром, и вся масса сплошного льда продвинулась на десяток метров вниз по течению, после чего остановилась, как ни в чем не бывало. Но через минуту весь лед с грохотом тронулся с места и стал с нарастающей скоростью двигаться вниз по течению. Просветов воды почти не было видно. Огромные льдины толкались, вздымались торчком, торопясь протиснуться между своих собратьев. Все это сопровождалось треском и шуршанием льдин о берег. Некоторые льдины были вытолкнуты на берег. Мы около часа наблюдали это зрелище, но поток льда не уменьшался. Мы так и вернулись домой, а лед все торопился и торопился вниз по течению реки, стремясь поскорее оказаться в холодных водах Восточно-Сибирского моря, поближе к Северному Ледовитому океану.

Еще я думал о невероятном совпадении. Восемнадцать километров. Это расстояние во воде от Обо до Сибика, это же расстояние от Обо до Мой-Уруста. И от Мой-Уруста до Сибика. Прямо равносторонний треугольник! До строительства водохранилища, на правом берегу Колымы стоял поселок Ветреный – бывшая центральная база и администрация прииска. От него до Мой-Уруста по дороге было тоже восемнадцать километров. От Мой-Уруста до Сибика по дороге

было также восемнадцать километров! От Сибика до озера Джека Лондона по тайге, а также от Джека до бывшего поселка Юбилейный по тайге вдоль Кюель-Сиена тоже по восемнадцать километров. И от Сибика до Юбилейного по воде примерно это же расстояние. По прежней грунтовой дороге было двадцать. Удивительные совпадения.

Хотелось одного – лежать и никуда не идти. Но идти как раз то надо было. Тем более что день уже заканчивался. На Севере зимой он короткий. И чем ближе к декабрю, тем короче, а ночь все длиннее. Это летом у нас можно на улице в июне газету читать, не зажигая света. Мы хоть и не за полярным кругом живем, но все-таки между 61 и 62 параллелями. Почти полярный день и почти полярная ночь.

А еще я подумал, что это хорошо, что у меня Виктор напарник. Спокойный. В панику не впадает. Это главное. И мне с ним спокойно. В таких ситуациях как мы оказались, главное – не паниковать и не терять присутствие духа. Надо идти? Пойдем! Спать зимой у костра? Будем спать. А утром пойдем дальше. И придем домой, обязательно придем, ведь там нас ждут. Наверное, сказывался опыт его жизни в тайге. Он рассказывал, что раньше работал в геологоразведке на реке Бахапче. Это довольно далеко от автомобильной трассы. И там они тоже делали длительные пешие переходы по тайге зимой.

– О чем задумался? – вырвал меня из нирваны Виктор.

– Я думаю, тут должны водиться снежные бараны, ну те,

что в Красную книгу занесены, – отвечаю, кивая головой на окружающие горы.

– Пока тут водятся только два барана, сейчас они с Сибика на Мой-Уруста скачут, – ухмыльнулся Виктор.

– Красотища какая, прямо Рериховские тона! – обвожу все вокруг руками.

– Хватит умничать, идем уже, а то опять ночью брести будем, – заключает Виктор и первым поднимается. Следом, без видимого энтузиазма, поднимаюсь и я. Мы продолжаем наш переход.

21. Мы дома

Идти вниз по относительно пологой сопке одно удовольствие. Снега тоже не много. Мы довольно скоро спускаемся в распадок ручья, носящего якутское название Оттоги-Отук. По-нашему, так вообще просто – Утюг. До дома осталось несколько километров. Сюда я летом иногда по грибы за маслятами хожу, тут все родное, все знакомо, только под снегом находится сейчас.

В распадке тоже отработанные прииском шахты, а выше по ручью летом мыли золото старатели. Сейчас тут запустение и полная тишина. Впереди еще один хребет. Он еще выше предыдущего и у вершины его склон переходит в вертикальную стенку. На обратной, пологой стороне этой сопки построен поселок Мой-Уруста – конечная точка нашего затянувшегося путешествия. Там наш дом. ЛЭП обходит крутую часть сопки справа и, забравшись на нее, спускается в километре от поселка, выходя к поселковой подстанции.

Виктор предлагает другой путь. Он более удобный, да и по расстоянию примерно такой же. Но идти нам будет гораздо легче. Дело в том, что свернув влево от вершины, мы выйдем на старую приисковую дорогу, которой пользуются сейчас старатели, рыбаки, охотники, грибники, ягодники. Подъем по ней тоже довольно крутой, но это настоящая дорога, а не просека ЛЭП в тайге, либо вообще бездорожье. Так и

решили. Спускаемся к ручью, переходим его и выходим из лесу на эту дорогу. По ней и поднимаемся на сопку.

Похоже, старатели недавно ездили на свой участок, поэтому поднимаемся на сопку не просто по дороге, а по автомобильной колее «Урала», что гораздо проще, чем топтать тропу самому.

Пройдя около двух километров, приходим в поселок в густых сумерках. Уложились до темноты. Солнце только село за сопку. Непривычно видеть засыпанные снегом улицы. Ведь в последний раз мы их видели в окружении желтой хвои лиственниц. Вокруг поселка вся тайга была в золотом платье, а сейчас в белоснежном. С вершины поселка смотрим на причал, но не видим там нашего «Катамарана» с «Пассажиром». «Малыша» тоже не видно. Сегодня на рабочих местах уже никого не застанем, поэтому расходимся по домам, заранее решив, что Виктор пойдет с утра в ЦРГО, разговаривать по душам с механикам, по поводу приводов на малый масляный насос...

А я, чтобы не быть ненужным свидетелем этого крайне задушевного разговора, пойду по руководителям прииска. Надо выяснить, что с «Малышом», нашими подельниками и «выбивать» сразу оба катера парома, чтобы вырубить из ледяного плена «Катамаран» с «Пассажиром» и прибуксировать их с сеном и нашим подбитым «танком» на борту в порт приписки, вместе с остатками экипажа машины боевой и судовой команды. Ну и Палычем, конечно. Куда без него?

22. Эпилог Утром, изрядно побегав по конторе прииска, мне удалось восстановить картину событий, произошедших с момента нашего отплытия за сеном. Выяснил, что про нас никто не забыл. Но помощь нам послать не могли, так как шли последние дни навигации. Прииск спешил забросить на наш берег максимальное количество дизтоплива, бензина, взрывчатки для проведения горных работ, продуктов, запчастей, угля и т. д. А мы уже были делом третьим. Ведь зима поджимала, ледяные забереги намерзали по ночам приличные, а днем уже не таяли. Катера парома всю ночь стояли на прогреве. Сам паром днем непрерывно курсировал между Обо и Мой-Уруста, продолжая заброску на базу прииска всего необходимого, чтобы мы могли пережить межсезонье, когда в январе откроют дорогу жизни по льду. Ледовую переправу. А с октября и до января, как и с апреля по июнь, мы будем снова отрезаны от большой земли, связь с ней и санрейсы будут только вертолетом, иногда самолетом АН-2, в народе называемом «кукурузником». И так каждый год. На Севере выживают лишь сильнейшие. Наш катер «Малыш» утонул по дороге на Кюель-Сиен, когда вышел к нам с Мой-Уруста с запасом продуктов. Заглох дизель, когда катер был уже в центре водохранилища. Завести двигатель они самостоятельно уже не смогли. Их обычно заводил «Пассажир», своей системой аккумуляторов. Так как по дну у катера ранее образовалась трещина, по месту сварки, и катер все время стоял на откачке, при заведенном двигателе, то насос то-

же перестал работать.

Катер медленно, но уверенно стал тонуть...

Представляю, какого страха натерпелись Серега Белый и Саня Бычков. Им повезло, что море не штормило. Еще раз повезло, что ветер был в нужном направлении и уже полуза-топленный катер прибило к сопке, уходящей в воду недалеко от пути парома, который в это время непрерывно курсировал между Обо и Мой-Уруста. Они хоть и вымокли по пояс, но относительно без приключений смогли перебраться с катера, севшего на дно моря своим днищем, на твердый берег. А то ведь могли бы где-нибудь в диком месте оказаться, и выбираться оттуда пешком месяц без продуктов. Ведь продукты утонули вместе с катером.

В третий раз им снова повезло, когда их заметили с парома, после чего паромщики остановили его, отцепили прямо на воде один катер, которым и провели спасательную операцию по снятию «робинзонов» с сопки. После чего катер снова пришвартовали к парому и они продолжили путь на Мой-Уруста. Серега, правда, возмущался, что они с Саней весь день на сопке прыгали, размахивая трусами и орали, сорвав глотки, а паром трижды мимо прошел, пока их заметили и сняли с сопки. Но все равно им крупно повезло. Я так считаю. Через пару дней незнакомый большой сильный катер бодро прибуксировал на Мой-Уруста наш «Катамаран» с «Пассажиром», бульдозером, четырьмя тоннами сена и остатками нашей команды на борту. Кум долго возму-

щался, почему их сразу же не забрали оттуда. Ведь там, как он выразился, из жратвы только сено осталось. Но зато двадцать тонн. Четыре из них прямо на палубе в стог уложены.

Оказалось, что Иваныч, вернувшись из Синегорья с запасом продуктов, не смог на своей моторной лодке войти в уже замерзшую бухту Кюель-Сиена. Его не устроил вариант оставить лодку с мотором на берегу водохранилища на всю зиму без присмотра, а самому делать много ходок за несколько километров по бездорожью в тайге, закидывая рюкзаком в зимовье продукты. Потому он развернулся и ушел обратно на Синегорье, где смог на ГЭС договориться с мощным водолазным катером. Этим катером разбили лед до зимовья Иваныча, куда он и пригнал свою лодку с запасами. Попутно вырубали изо льда наши жалкие посудины, с обитающими на них порядком одичавшими людьми. После чего прицепили их канатом к водолазному катеру и притащили на Мой-Уруста. Так бесславно окончился наш поход за сеном.

А катер «Малыш» подняли и доставили на Мой-Уруста. Это было не трудно, ведь энергетики Колымской ГЭС продолжали снижение уровня воды в водохранилище на зиму. Так что катер подняли уже с берега. На следующий год, после ремонта, он снова лихо бороздил беспокойные воды нашего Колымского моря.

Нам же выделили бульдозер, который притащил нашего замороженного Крокодила Гену к стенам ЦРГО, откуда он и был через несколько дней, одним из самых последних в эту

навигацию паромов, отправлен в капремонт, из которого уже не вернулся, как мы и ожидали...

Когда я пришел на «Катамаран», чтобы прицепить тросом наш бульдозер к тягачу и присутствовать при его транспортировке до ЦРГО, то увидел, что рабочие с подсобного хозяйства резво грузят вилами на колесный прицеп привезенное нами сено. Потом этот прицеп трактором перевозят в подсобное хозяйство. Или как мы говорили – «на коровник». Где выгружают и возвращаются за следующим грузом сена.

– Уже второй раз повезли, и еще сколько раз будут ездить! А мы это сено за один раз из леса привезли бульдозером на «Катамаран»! – гордо заявил Кум, внимательно наблюдая за их работой.

Подходил к концу 1992 год. Оставшееся на Кюель-Сиене сено эти же рабочие за несколько ходок на двух проходимых «Уралах» зимой перевезли на коровник, нарастив по высоте досками борта автомобилей. Думаю, что им очень помогла просека, с таким трудом проложенная нами к долине Семиречья. Буренки были спасены.

И невдомек им было, что через два с половиной года они будут поголовно пущены под нож. Потому что в зиму с 1994 на 1995 год будет полностью разморожен весь поселок, численностью до трех тысяч человек. По меркам нашего района и даже области, не самый маленький поселок. В связи с чем, в 1995 году, поселок будет выселен. Останется жить в нем только одна семья, не пожелавшая выезжать.

Прииск «Им. «40 лет Октября» прекратит свое существование. Тут же следом рухнет и «Тенькинский ГОК», ведь добрую половину его плана по госдобыче металла в те годы выдавал как раз наш прииск. Но это уже совсем другая история. Шли девяностые годы последнего столетия второго тысячелетия, которые впоследствии мы будем с содроганием вспоминать как «лихие девяностые»...

04.08.2018 г.

Забастовка

* * *

Не доезжая около десяти-двенадцати километров до дальнего полигона, автобус делает остановку у стоящего на обочине бульдозера. Я, стажер по должности машиниста бульдозера и мой наставник Геннадий, выходим из автобуса и идем к этому бульдозеру. Двигатель тихо работает на малых оборотах. В кабине сидит довольный Сашка. Ждет, когда мы его сменим. Автобус трогается и едет дальше. Он везет смену на полигон. Сашку он заберет минут через двадцать, по дороге назад, когда будет ехать обратно в поселок, с ночной сменой, которую заберет с полигона.

За это время Сашка передаст нам машину. Заправленную, в полной боевой готовности и сообщит, что тут он дежурил, дожидаясь нас. Страхуя автобус со сменой, который мог не проехать на полигон из-за наледи, которую выдавливает морозом на дорогу из-под льда рядом текущего ручья. Потом Сашка уедет на подошедшем автобусе, а мы с Геней растолкаем отвалом бульдозера с проезжей части лед на обочины дороги и погоним свою технику на полигон, не останавливаясь, чтобы не примерзли мокрые опорные катки и катки

поддерживающие гусеничную цепь. Сейчас там, на полигоне, работают три легких машины, включая нашу, и четыре тяжелых на вскрыше песков. Так что можно особо не торопиться, без нас пока управятся. По пути мы заедем в лес, сломаем бульдозером несколько стволов сухостоя на дрова, которые привезем в «тепляк».

Нас окружает волшебный пейзаж Колымы. По-зимнему пронизывающий холодом и одновременно прекрасный. Небо чисто голубое, ветра нет. Справа над нами нависают высоченные пики хребта Черского, с самым известным из них пиком Абориген, долго считавшимся высшей точкой Магаданской области, обозначенным на картах как высота 2286 и являющимся местом паломничества многих туристов и альпинистов, как местных, так и приезжих с «материка». Только гораздо позже будет установлено, что другой пик, расположенный чуть дальше, в глубине хребта, выше нашего Аборигена на несколько метров, это пик Снежный. Но я этого еще не знаю и пока справедливо считаю Абориген самой высокой точкой Колымы и Чукотки. С удовольствием разглядываю его крутые склоны. Голые скалы. Суровый и гипнотизирующий пейзаж. Это самое близкое место, с которого я его наблюдал. У склонов Аборигена расположены поросшие лиственницей невысокие сопки, между которыми, в узкий распадок, с пика истекают всё лето тающие снега и ледники. Это ручей Травянистый. Место болотистое, с кочкой травы по пояс. По Травянистому постоянно кочуют лоси.

Охотники говорят, что это их постоянная тропа, переход от Аборигена к Колымскому водохранилищу и обратно. Лосей мы тут и правда, видим постоянно. Они нас совершенно не боятся, стоят метрах в пятидесяти от дороги и наблюдают за автобусом или вахтовкой на базе «Урала», когда мы едем на полигон или обратно. Пощипывают и лениво жуют при этом мелкие ветки деревьев и кустов. Иногда мы видели одного крупного лося, в другой раз лосиху с уже крупным лосенком. Бывало, что всю троицу встречали. Не знаю, были ли это одни и те же животные или тропа была одна на всех сохатых в округе. Но встречали мы их не один год в этом месте. При чем лоси стояли и, не боясь, наблюдали за нами, даже когда мы останавливались и рассматривали их из автобуса. Но это только в том случае, если при нас не было оружия. Если же у кого-то было с собой ружье, то лосей на дороге не было. При мне всегда так совпадало. Чему я всегда радовался, надо честно признаться.

Слева от дороги распадок резко расширяется, уходя болотом в долину Эльгеньи. По краям болота растет ровная высокая лиственница. Сейчас, после оттепели, она укрыта снегом и очень похожа на ели. Очень нарядно и торжественно стоят эти деревья вдоль дороги. Когда мы проезжаем мимо, то от вибрации промерзшего грунта, с некоторых из них маленькой лавиной осыпаются их пышные белые шубы, оголяя темные стволы и ветки без иголок, вибрирующие от массы падающего с них снега.

– Видишь, справа на дорогу натекает вода? – спрашивает у меня Гена.

– Вижу, а почему не замерзает? Мороз то какой. Вон туман над распадком стоит.

– Это пар от воды на морозе туманом клубится. Чуть выше заедем, его не будет, – поясняет Геннадий.

– Не вздумай с дороги съезжать, если самому придется чистить, – продолжает он. – Там глубина метров шесть, а лед тонкий, бульдозер не выдерживает. Санька раз там уже топил наш бульдозер. Только фаркоп из воды торчал. За него и вытащили тяжелым бульдозером «Коматцу»...

– Как же так вышло?

– Хотел лед вытолкать с дороги на обочину, а его понесло по льду. Бульдозер боком по льду как на коньках на грунтозацепях башмаков ездит, особенно если отвалом упруешься.

– Коварный ручей. А почему он не замерзает?

– Да кто его знает, – Гена на ходу ловко прикуривает папиросу. – Ты посмотри, все ручьи, что текут от хребта, не замерзают. По крайней мере, в своих верховьях, рядом с хребтом. На всех этих ручьях наледи в верховьях за зиму образуются.

– Может, там одна большая таликовая зона? Или спящий вулкан с термальными источниками под хребтом?

– Не знаю, но ручеек этот нам с октября кровь сворачивает. Мы летом дорогу к полигону отсыпали, пользовались ей. Иногда подсыпали, ровняли. Все как обычно.

– Когда начались проблемы с этим ручьем?

– В октябре. Снег давно лежал, все ручьи и реки замерзли, а этот нетнет, да вырвется поверх льда, хотя давно должен был насквозь промерзнуть до мая. Как все приличные ручьи.

– А вы что делали, как с ним боролись?

– Пригоняли «Белазы» с грунтом и насыпали дорогу все выше и выше, дорогу планировали бульдозером. А ручей снова поверх дороги выходил. Мы снова сыпали. Вон целую дамбу поперек распадка уже отсыпали. А толку нет.

– Так она и справа такой же высоты как слева? – я уважительно посмотрел налево вниз через окно.

– Конечно. Поэтому и говорю, с дороги не съезжать – утопишь бульдозер. А вот здесь уже можно! – и Гена свернул с дороги на небольшую терраску, где стоял частокол погибших от старого таежного пожара сухих стволов лиственниц. Между ними уже буйствовала новая жизнь, в виде молодых деревьев и кустов.

Заготовив с десяток сухих стволов на дрова, мы притащили их тросом к «тепляку» на полигоне.

* * *

На полигоне мы получили у горняка нарядздание на эту смену – разваловывать грунт на отвале, на который «Белазы» возят вскрышу. Гена мне показал, что грунт надо сталкивать не весь, а оставляя часть его на бровке. Потом саму бровку

аккуратно формируем метровой высоты, что-бы карьерный самосвал упирался в нее при разгрузке задним колесом и не «ушел» с отвала, что у нас тоже периодически случается...

– Да ты не паникуй! – подбодрил меня Гена. – В большинстве случаев они сами и виноваты – с разгона к краю отвала едут задним ходом и бровку перескакивают – время экономят на разгрузке. А работают в основном там пацаны молодые, горячие. Вот и случается всякое. Недавно при разгрузке Витька кузов забыл опустить и поехал к экскаватору под загрузку. Ну и порвал кузовом провода ЛЭП. Без электричества остались – экскаватор встал.

– Прямо все такие горячие? – с опаской смотрю на круто разворачивающийся вокруг нас «Белаз».

– Нет, есть мужики и постарше, посолидней, они серьезнее. Да и молодые далеко не все безголовые. А вот бульдозер ты так напрасно выставил. Они так нам кабину снесут, когда задним ходом будут сдавать. Не один раз уже сносили. Когда мы работаем на этой стороне отвала, они выгружаются на той. Потом меняемся. Запоминай.

– А под экскаватором работать? Там, по-моему, страшнее. У него ковш больше кабины бульдозера. И постоянно перед кабиной мелькает.

– Экскаватора как раз и не бойся. Они ни разу не стукнули нас, в отличие от «Белазов». Аккуратно работают. Разок только Коля Зверь при загрузке клыками ковша пробил насквозь борт «Белазы». Но это он в ту смену очки дома за-

был... А в очках очень аккуратно работает.

Разваловав отвал и сформировав бровку, мы двинулись к «тепляку», так как уже приближался обед. Опаздывать не хотелось, особенно учитывая тихходность нашей гусеничной техники. Нас обогнали три «Белазы». Вот так всегда – уезжаем первыми, приезжаем последними. И на заправку так же.

– И с белазистами на руках не борись, любят они это дело. Только руки выломают тебе, – кивнул Гена вслед удаляющимся огромным карьерным самосвалам.

– Почему?

– Мы тут на полигоне как-то «чемпионат» по борьбе на руках провели в «тепляке». Все первые места заняли белазисты. У них на машине коробка скоростей под рулевой колонкой расположена – постоянно руку тренируют, когда переключаются. Правая кисть особенно сильная.

– Я и смотрю – веселые они, молодые. Это у нас на бульдозерах почти одни деды работают, особенно на тяжелых.

– Ты с ними не особенно то веселись. Хорошо, что этот полигон самый дальний. Час до поселка. А на пятьдесят девятом полигоне они втихаря могли домой смотаться прямо на смене, водки привезти. Там ехать то всего девять километров. Они и на пересменку в поселок ездили, на полигоне не менялись.

– Были злодейские случаи?

– Еще какие ... Ладно бы потихоньку – чуть выпили, да работали. А то ведь раз учудили. Сняли рацию в «тепляке»,

поставили на «Белаз», подключили к бортовой сети. Катаются по всему полигону, горняк бегают за ними, догнать не может, а эти полупьяные черти по рации на прииск вышли и требуют ящик водки. Мол, взяли горняка в заложники и без выкупа не отдадим.

– Большой скандал был?

– Нормальный, бывало и похлеще... Так что ты сначала поработай, присмотришь к людям, а с ними не водись, – закончил свою нравоучительную беседу мой наставник.

– Не буду, – успокоил я его.

Мы подъехали к «тепляку». Вся смена уже собралась к обеду. В одну линию стояли «Белазы», по другую сторону тяжелые бульдозера, и три наших легких. Если легкой можно назвать технику, весом от тринадцати до девятнадцати тонн...

* * *

В «тепляке» было жарко натоплено, в кружках дымился горячий чай, мужики уже играли в домино.

– Пока не разделся и не сел, проверь на сорок шестом приборы, – отправил меня обратно на улицу дядя Саша, бульдозерист со второго легкого бульдозера. А сорок шестой – это наш третий легкий бульдозер на этом полигоне. На него сменщик утром с нами не приехал, и он стоял возле «тепляка», тарахтел на холостых оборотах. Мы присматривали за

ним.

Я подошел к рычащей машине, открыл дверцу с крупным номером «46» и обомлел – вся кабина изнутри была по кругу обклеена фотокарточками. Прямо планетарий местного значения. Это были самодельные игральные карты, с изображением обнаженных девиц. Наверняка, вся колода в сборе... Надо же, а ведь взрослые же мужики в этом экипаже работают. Проверил приборы – все было в норме. Захлопнул дверцу и ушел обратно в «тепляк». Перед этим заглянул под днище бульдозера. Тоже порядок. Никаких подтеков воды или масла.

По обстановке кабины бульдозера можно было судить о хобби его экипажа. Я встречал кабины, где за спинкой сиденья лежало сложенное ружье и удочка. А в аптечке вместо медикаментов патроны и рыболовные снасти. Там явно работали любители рыбалки и охоты. Скорее всего, незаконной охоты...

Попадал в кабину, где медицинским жгутом к крышке ящика для инструментов был пристегнут старенький советский кассетный магнитофон, а сами кассеты лежали в аптечке. Но как можно было услышать музыку при грохоте железа и рёве дизеля, для меня так и осталось вопросом без ответа.

В одной из кабин видел самодельный гамак из шахтного рукава, который на проволочных крючках быстро вешался изнутри. Так же быстро собирался. Там работали любители поспать.

Впоследствии в моем бульдозере ящики под инструмент и под аккумулятор были, под самые крышки, плотно забиты ключами и различными мелкими запчастями. Некоторых моих напарников это крайне раздражало, и они безжалостно выбрасывали ненужные, как им казалось, прокладки, сальники, гайки, болты и штуцеры из кабины. Потом искренне удивлялись, почему у нас в кабине никогда не убывает этого хлама. Просто они не видели, что я опять собирал эти бесценные, с моей точки зрения железки, резинки и складывал там же, но в другом порядке. Пока их глаза этого не видят. Ведь по закону подлости этот

«хлам» был нужен именно тогда, когда его не было в кабине. А ремонтироваться нередко приходилось прямо на полигоне или даже на дороге, если не дотянул до ремонтного бокса. И такое не редко у нас случалось. А запас – он всегда не лишний. Не на себе же таскаем.

* * *

Уже с полчаса как должен был приехать обед, но автобус к нам на полигон так и не пришел. Горняк по рации вызвал контору прииска, там созвонились с ближайшей столовой, откуда ответили, что автобус с обедом и поварихой выехали в нашем направлении, обратно в столовую еще не вернулся. Сидим, ждем. Голодные и злые.

В ту пору, как в дневную, так и в ночную смену, всегда

привозили обед в армейских квадратных, или даже кубических (так точнее) термосах, объемом по два ведра. Два вида первого, два вида гарнира, два вида мясного или рыбы, если это были вторник и четверг (рыбный день), хлеб и компот. Горчица бесплатно – от профкома. Поэтому «тормозки» с собой не брали. Если только заварку чая и сахар, несколько карамелей в карман.

Минут через пятнадцать по рации сообщили горняку, что через наледь Травянистого не смог проехать автобус с нашим горячим обедом и вернулся обратно в столовую маленького шахтерского поселочка Эльгенья, откуда на наш полигон и на дальние шахты развозили обеды. На ближние полигоны и шахты возили обеды из столовой Мой-Уруста – базы нашего прииска. Поэтому, как нам дали понять, в эту смену мы остаемся без обеда.

Негодование голодных рабочих не было предела. Возник стихийный митинг. Во время которого горному мастеру, как единственному работнику ИТР на полигоне, пришлось заслушать петицию о том, что пока не привезут обед, никто на работу не вернется. При этом не сделали скидки на то, что горняк тоже не обедал вместе со всей сменой. В подтверждение своих слов все улеглись на

лавках в «тепляке», а кому не хватило места, разбрелись по кабинам своей техники, рычащей за стенами «тепляка». Но техника с места не сдвинулась. Белазисты только предупредили, что долго ждать не будут, им простой не нужен, а

уедут в поселок, прихватив в свои тесные кабины и экскаваторщиков. Ведь те все равно не смогут без них работать. Некуда будет грузить вскрышу.

Горняк сообщил по радию в контору прииска о создавшейся обстановке. Через пятнадцать минут поступил ответ, что нам уже везут обед. Попросили направить бульдозер для встречи на ручье Травянистый.

Отправили Гену. Меня он решил оставить, чтобы в кабине вдвоем не толкаться. Тем более, он видел, как я страдаю от дыма его папирос, когда он дымит в кабине.

Через час прибыл обед сухим пайком. Это были банки тушенки и несколько булок хлеба. Их привез в большом желтом металлическом эмалированном тазу главный инженер прииска. Забавно было видеть, как к «тепляку» подрулила водовозка на базе «ЗИЛ-130». На пассажирском сидении гордо восседал сам главный инженер, держа в руках этот таз с нашим обедом.

– Надо Гене передать «тормозок» на Травянистый, – подошел я к нему.

– Мы ему сразу оставили, когда сюда ехали, он уже обедает – поступил ответ.

После этого он раздал нам по банке тушенки, мы нарезали хлеб, заварили чайку на всю смену. Пообедав, отправились по рабочим местам. Главный инженер проконтролировал наше убытие к месту работы, после чего с чистой совестью укатил обратно в контору прииска на этой же водовоз-

ке.

После этого случая один легкий бульдозер так и дежурил почти всю зиму на переправе у Травянистого. Там же его заправлял, проезжая мимо, наш приисковый наливник, раз в сутки заливавший солярку в емкость на заправке нашего дальнего полигона.

Когда сошел снег, дамбу через Травянистый разрыли и уложили под ней несколько труб большого диаметра, по которым вода ручья круглый год уходила из распадка и больше никогда не создавала нам проблем. После чего дорогу снова восстановили и еще долго ездили по ней, лишь изредка вспоминая, сколько бед нам доставил такой маленький, но такой коварный ручеек. Который, в летнюю пору, можно было легко перешагнуть. И в который никогда не заходила рыба, по причине его малой глубины и ширины.

А через несколько лет столовых в наших приисковых поселках уже не было. Обеды на полигоны и шахты перестали возить. О прежних временах оставалось только вздыхать и вспоминать. И никому уже не было интересно, что ели рабочие прииска и ели ли они вообще. Было ли что им взять перекусить на двенадцатичасовую смену и два часа дороги на работу и обратно. Это были годы, которые сейчас часто принято называть «проклятыми девяностыми», а тогда мы этого не знали. Мы просто в них жили, работали, строили планы на будущее, надеялись на лучшее.

10.04.2020 г.

И умирают они тоже стоя

* * *

В декабре на Колыме день короткий, а ночь бесконечно длинная. И очень холодная. Вот и сегодня, приехав работать на дальний полигон, мы каждой клеткой своего организма ощущаем этот холод. Но работать надо, ведь у нас зима длинная, а лето мимолетное, хотя в центральных районах Магаданской области даже бывает жарким. Но только днем. А ночные заморозки могут быть и в июне, и в июле, и в августе. Как у нас говорят: «Июнь еще не лето, июль уже не лето».

Сейчас наша работа заключается в подготовке полигона к вскрыше. С перспективой на несколько лет его работы и надеждой добычи за этот период нескольких сотен, а если повезет, то и нескольких тысяч килограммов золота. Если данные геологоразведки окажутся точными.

В скором будущем это будет огромный и глубокий карьер, в котором будут работать: гусеничный экскаватор

«ЭКГ-5» с пятикубовым ковшом; несколько карьерных самосвалов «Белаз», грузоподъемностью двадцать пять и сорок тонн; огромный бурильный станок СБШ-250, массой около ста восьмидесяти тонн; несколько легких бульдозеров

отечественного производства марки Т-130, Т-170, массой от тринадцати до девятнадцати тонн, в зависимости от модели, комплектации и года выпуска. Легкие они только по сравнению с тяжелыми импортными бульдозерами японского и американского производства «Карьера тяжелых машин», сокращенно «КТМ», ведь их масса доходит до пятидесяти-семидесяти тонн.

Но это все будет потом, уже совсем скоро. Сначала нужно «зарезать» полигон. Для чего маркшейдеры и геологи разместили по своим картам площадь будущего полигона. Расставили вешки с флажками красного цвета по его периметру. Тяжелые бульдозеры приступили к вскрыше основательно промерзших торфов, применяя для этого рыхление огромными клыками рыхлителями, расположенными на кормовой части каждой машины. На самом деле это не только торф, в прямом смысле слова, но и все, что расположено под ним. Пока рыхлится сравнительно легко, торфа и лед замерзших болот рыхлят и убирают в отвал тяжелые бульдозеры. За это время бурильный станок по частям перевозят на полигон. К моменту, когда они «сядут» на более плотную вскрышу, станок будет собран. Он будет забуривать скважины, глубиной до восьми метров. Сетка таких скважин заряжается взрывчаткой, после чего мерзлоту рыхлят, уже методом взрыва, затем ее можно бульдозером окучить к экскаватору, который тоже собирают тут же, на полигоне. Экскаватор грузит этот грунт (вскрышу) в «Белазы», те вывозят его в отвал. Так до

момента нашей встречи с россыпью золотосодержащих песков. Которые также добываются и вывозятся в другой отвал, который в короткое лето будет промыт через промывочный прибор, для извлечения золота – конечной цели всего этого производства. Так как этот полигон будет большой, то таких приборов на нем будет не менее трехчетырех.

Весь сложный, трудоемкий и затратный способ направлен на одно – за холодный период года вскрыть максимальную площадь полигонов, добыть и складировать максимальное количество кубометров золотосодержащих песков, а потом промыть их за лето – добыть из них золото. При этом остаться в плюсах. С прибылью. Обычно получается.

Если пески залегают на глубине около тридцати метров, то экономически выгодней не проводить вскрышу, а добывать их шахтным способом – сразу опускать ствол шахты к «пескам» и выдавать их «на гора». После чего так же летом промыть. Добыча золота – главная, пожалуй, единственная цель работы нашего прииска. Все остальное крутится вокруг этого.

* * *

Работа по вскрыше торфов шла полным ходом. Тяжелые бульдозеры, выстроившись в ряд, рыхлили своими гигантскими клыками мерзлоту, вгоняя их на два метра в грунт, и натужно двигались к крайней линии полигона, выгоняя ко-

поть из своих гигантских выхлопных труб, похожих на пароводные трубы. Потом они выталкивали своими огромными отвалами этот рыхлый промороженный грунт торфов за пределы линии полигона. Я на легком бульдозере, под руководством горного мастера Андрея, был на подхвате. Мы осваивали полигон, обустроивали его. Таскали с базы и расставляли в линию, с промежутками метров по пятьдесят небольшие сани, с установленными на них деревянными опорами под линию электропередач. В опоры уже были вкручены изоляторы. Это значит, что на днях электрики натянут по ним линию ЛЭП и электричество придет на полигон. Ведь без него не будут работать экскаватор и бурильный станок. Попутно мы почистили дорогу на полигон, а возле «тепняка», на базе, расчистили площадку от снега, создавая удобный разворот автобуса, который привозит нас на смену.

– Давай рули к «тепняку». Еще подстанцию с базы перетащим на полигон – горный мастер, или попросту горняк, как мы называли горных мастеров, обеспокоенно посматривал через стекло кабины на густой туман, который нас окружал и, как казалось, становился все плотней. Что указывало на то, что мороз был за сорок и продолжал крепчать.

У «тепняка» он выскочил из кабины и первым делом посмотрел на термометр, висящий на углу постройки. Потом обернулся и помахал мне, выманивая из теплой уютной кабины в этот космический холод.

Я окинул взглядом панель приборов – все было в норме.

Подтянул повыше шторку на радиаторе, не давая остывать воде на холостых оборотах двигателя, и обреченно шагнул на гусеницу. Как космонавт в открытый космос.

– Как думаешь, сколько градусов? – встретил меня уже на земле Андрей.

– Думаю, около сорока. Когда выезжали вечером на смену, у меня дома было минус тридцать восемь. А сейчас ночь, похолодало... Да и туман...

– А сорок шесть не хочешь?! – он кивнул на термометр.

– Надо «тяжелые» снимать с полигона, оставлять возле «тепняка» на прогреве. Им запрещено работать при морозе свыше сорока четырех. Отстанем по вскрыше... Ладно, подстанцию не потащим сегодня. Пей чай пока, я с прииском свяжусь – горняк пошел настраивать рацию.

Я захватил на улице несколько поленьев и следом вошел в «тепняк». Дрова еще тлели в железной печи, сверху я закинул принесенные с улицы мерзлые дрова. «Тепняк» был огромным, шесть на шесть метров. И в высоту около трех. Это было стационарное строение, так называемая база. Так как до поселка было около сорока километров, по грунтовой дороге, с периодически натекающими зимой на нее предапельскими наледями, то отправка в ремонт поломанной техники, как и мелкий ремонт под открытым небом, представляли определенные сложности.

Поэтому на базе на быструю руку был возведен бокс, способный вместить в себя тяжелый бульдозер, на случай сроч-

ного несложного ремонта. С обратной стороны был пристроен «тепляк», имеющий одну общую стену с боксом. Стены и потолок возвели из крупных пенопластовых плит, заключенных с обеих сторон в дюралевый корпус, как бутерброд. Размер плит – шесть на полтора метра. Отсюда и такие циклопические размеры «тепняка», хотя обычно под «тепляк» использовали обычный геологический вагончик на санях. В него устанавливали печку, электрокалорифер. К тому же такой «тепляк» можно было всегда быстро перетащить бульдозером на новое место, в отличие от нашего.

Наш «тепляк» был просторен, высок, светел за счет ряда окон в одной из плит и нескольких светильников с

длинными люминесцентными лампами, которые категорически отказывались гореть, когда в «тепняке» было холодно. Еще сказала техническая ошибка при сборке – над печкой шов потолочных плит не сходил на несколько сантиметров. Благодаря чему мы, не покидая стен «тепняка», в ясную зимнюю ночь могли любоваться звездами и радоваться великолепной вентиляции, вспоминая наших монтажников-торопыг, искренне желая им встречать на своем жизненном пути таких же специалистов во всех сферах деятельности. Но зато с печкой, сваренной из толстого листового железа, они нам явно угодили. Печка была почти метр в высоту и столько же в ширину, в длину не меньше полутора метров – под стать самому «тепняку». В ней, при открытом поддувале, с гудением горело практически все, даже почти полу-

тораметровые в длину бревна и толстая транспортерная резина, раскаляя стальные бока печи до малинового цвета.

* * *

Пока горняк по рации говорил с конторой прииска, я закипятил чайник, поворошил дрова в гигантской печи. В «тепляке» уже стало заметно теплее. Тем более, что мы уже решили проблему щели в потолке, законопатив ее тряпками и накрыв с улицы куском брезента. Сверху навалили снега, для утепления.

Я принес к столу чайник с кипятком. Показал горняку две пустые кружки. Он молча кивнул, чтобы наливал обе, сам в это время выяснял по рации метеопрогноз. Прогноз был неутешительным – ожидалось похолодание за минус пятьдесят. Причем на четыре дня, а там видно будет, более точно не смогли ничего сообщить. Наконец-то Андрей оторвался от рации, мы попили крепкого чайку из обжигающих металлических кружек.

– Сколько у нас дров? – задумался он.

– Я последние с улицы занес. Вон в печи полыхают.

– Поехали...

Мы вышли из «тепляка» в густой морозный туман. Накинули на металлические крючья, приваренные к бульдозерному отвалу, два троса и поехали за мост через Эльгенью.

Полигон был размечен на болотистом плато, в широкой

долине Эльгеньи, куда еще впадало несколько ручьев и речушек. Из растительности были только мох и низкая хилая тундровая поросль кустов. Встречались единичные, обычно чахлые лиственницы. Кроме них только одна не очень высокая, но мощная старая лиственница стояла на сухом месте у края дороги, выходящей с полигона на базу. Но нас живые деревья не интересовали. Мы пересекли мост и через пару километров съехали влево, на невысокий уступ сопки, на место давнего таежного пожара. Тут, на низкой сухой террасе, повсюду встречались молодые пышные, от осевшего на них снега, трехметровые лиственнички. Отчего они очень походили на новогодние елки. Летом много было различных невысоких кустов, которые сейчас прятались под снегом. Никогда бы не догадался, что дватри десятка лет назад тут бушевал страшный лесной пожар, если бы не стоящие то тут, то там сухие стволы уже мертвых лиственниц без коры и почти без веток, местами помеченные черной гарью. Это были взрослые деревья. Как приятно было, что на месте погибших великанов сейчас радуется жизни молодая поросль. Воистину – природа не терпит пустоты.

Аккуратно маневрируя между живыми лиственницами, мы пробирались к стоящим погибшим деревьям, издали угадывая их в морозном тумане в свете фар. После чего, подъехав вплотную к такому дереву, я упирался в их ствол отвалом бульдозера, поближе к земле, и потихоньку валил на землю, стараясь не валить их на живые растения и не делая

резких ударов по стволу, так как это угрожало преломлением сухого ствола в середине, в районе сучьев, и обрушением этой массы на бульдозер, в том числе на кабину.

Свалив с десятков сухих великанов, я развернул бульдозер фаркопом к ним, горняк в это время длинным тонким тросом, распущенным на много хвостовстроп на другом конце, зацепил каждое дерево отдельным стропом. Получился веер из строп троса, который был прицеплен к фаркопу. После чего я вытащил деревья на дорогу. В два захода вытащили все деревья. По пути они все собрались в один штабель бревен, который мы и перехватили толстым коротким тросом и потащили на базу.

В дороге я постоянно оглядывался, опасаясь потерять свой воз.

– Ты на дорогу смотри. Я за дровами присмотрю, – успокоил меня Андрей.

Немного не доезжая до моста, он меня остановил и выскочил из кабины. Один ствол переломился посередине, и оставшаяся часть перекрыла дорогу. Горняк столкнул ее на обочину и заскочил обратно.

– В следующий раз заберем, а сейчас дерево не мешает проезду – пояснил он.

* * *

– Ты посмотри, что они делают!!! – вознегодовал Андрей,

когда мы поравнялись с одиноко растущей у обочины дороги мощной лиственницей, уже почти подъехав к

«тепляку». Я смотрел вперед, на дорогу и определенно ничего не видел. Тогда он кивнул мне на эту лиственницу.

Зрелище было не из приятных – ствол дерева был расщеплен по всей длине, от комля и до верхних веток, что могла сделать только неистовая сила, учитывая прочность живой старой лиственницы. Обломок ствола валялся тут же, возле дерева. Рядом проходил след широких башмаков гусеницы тяжелого бульдозера. По следу было видно, что машина съехала с дороги, ковырнула дерево и обратно повернула на дорогу, выезжая к «тепляку». У «тепляка», ожидая пересменки, уже стояли в линию все четыре тяжелых бульдозера.

Когда мы подтащили вязанку дров к «тепляку», горняк выскочил из кабины, махнул мне рукой сдать назад, что я и сделал, ослабив трос, стягивающий стволы сухостоя. Андрей лихо сдернул трос и быстро намотал его на рога отвала моего бульдозера. После чего помахал мне в обе стороны рукой, и мы сразу заготовили дров на пару дней – я направлял бульдозер вперед, горняк укладывал ствол дерева на бульдозерный каток, валяющийся рядом. Я сдавал задним ходом, наезжая на бревно и оно с треском ломалось. Я снова откатывался вперед, горняк отшвыривал в сторону метровый обломок и снова укладывал ствол на каток. Я снова сдавал задним ходом, ломая сухое дерево. Таким образом, мы поломали пару бревен и посчитали миссию по заготовке дров исполненной.

С живой лиственницей этот номер не прошел бы, а тут легко ломались сухие бревна даже в двадцать и более сантиметров в диаметре.

Горняк подхватил несколько заготовленных нами метровых бревнышек и потащил их в «тепляк». Я поставил бульдозер в десятке метров от «тепняка», чтобы он не мешал развороту автобуса, который привезет нам смену и увезет нас домой, в поселок. А также чтобы он не грохотал своим дизелем у самой двери «тепняка». Взял тоже запас дров и затащил их следом в помещение.

Там уже полным ходом шла воспитательная беседа. В полной тишине он отчитывал всех четырех взрослых мужиков, играющих в домино.

– Оно что, вам мешало?! Это дерево! – продолжал горняк поучать бульдозеристов тяжелых машин. Забавно было видеть, как горняк, которому недавно исполнилось тридцать лет, отчитывает взрослых мужиков, которые ему в отцы годились.

– Одно единственное дерево, на всю округу! Нет же! Надо подъехать и половину его свалить, причем вдоль ствола расщепить. Вот какие мастера, полюбуйте на наше мастерство! – продолжал он свой монолог.

– Нет бы, что полезное сделать! Вон за сухостоем смотались бы, если делать нечего. Там бы и удаль свою показали и дело полезное сделали. Для всех! Людям за пятьдесят лет, а я за ними как в детском саду должен сле-

дить и на веревочке выгуливать! – последние слова уже были в пустоту, так как все молча уже удалились из «тепняка» обслуживать свои машины перед передачей их напарникам, которых через десять – пятнадцать минут привезет автобус. Остались только мы с горняком.

– Видал?! Напакостили и разбежались. А ведь так и не признались, кто к дереву насилие применил... – это он уже ко мне обратился.

– Может случайно в тумане с дороги съехал? Морозто какой!

– Да какой случайно! Это они друг перед другом удалью и мастерством своим вечно меряются. Каждый старается показать, что умеет такое сотворить, чего другой не повторит. Ладно, ну коробок спичечный на спор они отвалом бульдозера закрывали. При этом не сломав коробка и спичек в нем. Летом лом в землю отвалом вгоняли, не согнув его. То они начинают друг друга на тросе таскать – кто кого осилит. Все троса порвали, так новое развлечение нашли – упрутся два бульдозера отвал в отвал – кто кого столкнет с места и дальше всех оттолкнет от места спора. Все вокруг «перекопытили» гусеницами. Две смены назад Николай с обеда первым вышел из «тепняка», ну и заваловал снегом бульдозер Бориса. По самые окна. И уехал довольный на полигон работать, пока Боря чай пил, да в домино партию костяшками стучал. Того и гляди – чего-нибудь снова отмочат или покалечатся. Детский сад «Ромашка», старшая группа!

– Так ты за технику безопасности переживаешь, или за дерево завелся? – присаживаюсь рядом с ним на лавочку с кружкой свежего горячего чая, вторую кружку молча ставлю перед ним на стол.

– Одно другому не мешает. Тебе пятьдесят лет – сиди в «тепляке», в домино играй на перекуре или на обеде! Так нет же – надо учудить! Что с пацанами молодыми боюсь работать, чтобы куда-нибудь не влезли по неопытности и глупости, что с пенсионерами. У них вообще детство в одном месте просыпается не ко времени. Не знаешь, чего ожидать от них в следующий раз.

* * *

Через полчаса мы уже передали свою технику дневной смене и устало дремали в теплом автобусе, направляясь домой. На востоке тонкой полоской алел робкий рассвет.

Я процарапал ногтем небольшую щель в инее замерзшего окна автобуса и выглядывал в нее, пытаясь еще раз рассмотреть в утренних сумерках покалеченную кряжистую листовенницу. Но мы уже проехали мимо нее. В окошко были видны мертвые после пожара стволы деревьев, строго вертикально смотрящие в небо. Часть из них мы этой ночью заготовили на дрова. Даже утратив жизнь, они много лет продолжали стоять. Не падали.

Забегая вперед скажу, что впоследствии, каждый раз про-

езжая мимо нее, я находил взглядом эту одинокую лиственницу. Она была жива и, как казалось, нормально себя чувствовала, обильно заливая светлой прозрачной смолой, словно кровью, свою обширную рану. Мы работали в этих местах еще около пяти лет. Надеюсь, что она и сейчас там стоит. И не хранит зла на глупых людей. Ведь не все мы такие.

А сейчас я как-то по-новому смотрел на проплывающие в утренних сумерках мимо окна автобуса деревья, уныло стоящие вдоль дороги, согнувшись под тяжестью своих снеговых шапок. И понимал, как же им нелегко живется в этом суровом диком краю, нашим обычным северным деревьям. Таким привычным, ничем не примечательным лиственницам. Человек может погреться зимой в теплом помещении, одеться потеплее. Зверь тоже шкуру теплую имеет, может побегать для разогрева организма, под снег спрятаться на ночевку. А деревья всегда стоят на одном месте. Как на посту. И в снег, и в дождь, и в лютую стужу. Вся жизнь проходит стоя. И умирают они тоже стоя.

16.03.2019 г.

Обычный мамонт

* * *

Сегодня мне повезло – не пришлось простаивать длинную очередь на заправке, теряя такое драгоценное в конце смены время. Я успел заправиться первым. Залив под горловину соляркой свой трехсотлитровый бак, я уже отъезжал от цистерны, оборудованной длинным гибким шлангом с крапом на конце, когда навстречу мне, из-за отвала грунта, выехали сразу три огромных тяжелых импортных бульдозера. Они направлялись к цистерне. Четвертого монстра пока не было видно. Если бы я приехал на заправку после них, то пришлось бы ждать, пока каждый из них наполнит свой бездонный топливный бак. А это по тонне дизельного топлива на брата.

А так мой бульдозер, весело звеня башмаками гусеничной цепи, уже торопливо бежал к «тепляку», куда через полчаса должен подъехать автобус с нашей сменой. Этого времени мне как раз хватит, чтобы не спеша подготовить машину к пересменке – проверить уровень масла в дизеле, гидробаках, коробке передач и заднем мосту, заглянуть в радиатор, протереть пыль с обеих сторон стекол кабин и на стеклах фар,

смахнуть пыль с «торпедки», в которой размещены приборы контроля за системами бульдозера, вытряхнуть коврики с полов, почистить от грунта ходовую часть. Это стандартная процедура при сдаче смены. Не сделать этого, значит показать свое неуважение к напарнику, который уже подъезжает, чтобы меня сменить. Это не принято в нашей среде. Ведь мы называемся экипажем бульдозера, а значит мы – одна команда.

Но в «тепляк» я попал позже троицы бульдозеристов с тяжелой техники. Пришлось добавить воды в радиатор и масла в коробку передач. Много времени потратил на очистку ходовой части от намерзшего грунта, который на морозе превратился в монолит и долго не хотел поддаваться ударам лома.

В «тепляке» уже вовсю шло сражение в домино. Бульдозеристы с тяжелой техники и дежурный электрик, разбившись на команды (двое надвое), громко стучали по столу костяшками домино и шумно обсуждали ход игры. Кто бы мог подумать, что игра в домино может вызывать такой азарт, причем как у игроков, так и у зрителей. Горный мастер что-то дописал за другим столом в своем журнале, потом отложил его в сторону и стал болеть за пару бульдозеристов, игравших против своего коллеги и электрика. Налив кружку чая сажусь рядом передохнуть, наблюдаю игру. Теперь можно и расслабиться, в ожидании пересменки.

Гул за стеной «тепляка» и хорошо ощутимая вибрация

всего помещения подсказали, что с полигона вернулся последний тяжелый бульдозер.

Через несколько минут в дверях показался Яков, машинист этого монстра. Под мышкой он держал цилиндрической формы предмет с обломанными концами, меньше метра в длину и около двадцати сантиметров в диаметре.

– О, Яша приехал! А ты чего так долго? – поприветствовал его коллега с другого тяжелого бульдозера, Валентин.

– Да потому, что кое-кого просил посигналить мне в конце смены! Я же говорил, что часы встали... А тут смотрю – никого на полигоне. Все смылись!

– А я тебе посигналил и поехал. Думал ты услышал... – оправдывался Валентин, но весь его внешний вид говорил об обратном, что он просто забыл позвать Якова.

– А ты что там принес, дрова? Ну, ложи у печки – суетился Валентин, не выпуская костей домино из рук.

– Яша бивень мамонта принес... Рыба!!! Считай очки! – радостно закончил партию Вячеслав, другой бульдозерист тяжелой машины.

– Точно! Я и сам сначала подумал, что это кусок дерева из под рыхлителя вывернулся. Еще удивился, что он был на такой глубине, где уже нет корней. Ну, я его отвалом в сторону оттолкнул, потом в конце смены с бульдозера слез, поднял в кабину посмотреть. Точно – бивень!

– И куда ты его теперь денешь, этот зуб мамонта, себе вставишь? – ехидничал Валентин, подмигивая Якову.

– Тебе вставлю! Чтобы память вернулась. А то – как на перекурах бегать ко мне в кабину чай из термоса пить, так он помнит, а как работу сворачивать в конце смены, так про меня забыл. Рванули все на заправку наперегонки, не дого- нишь, только пыль столбом – продолжал дуться Яков.

– Яша, давай в домино с нами! – прервал его Вячеслав.

– Мне еще машину обслужить надо, скоро автобус прие- дет – Яков поставил свою находку в углу тепляка и вышел.

– Я на победителя! – оживился горный мастер и подсел к столу с домино.

В напарниках с ним был снова бульдозерист. Играли про- тив двух других бульдозеристов. Электрик, как проиграв- ший, выбыл. Меня же по молодости лет и неопытности не звали в такое серьезное мероприятие, так как я никак не мог научиться просчитывать, у кого какие кости и в паре все- гда был слабым звеном, искренне удивляясь, как противни- ки после одного – двух моих ходов называли вслух оставши- еся у меня кости. При этом почти никогда не ошибаясь.

Для меня куда больший интерес представлял обломок бивня мамонта. Я его повертел в руках, рассматривая со всех сторон – действительно, на обломок дерева без коры похож, особенно пока он весь выпачкан мерзлым грунтом. Доволь- но тяжелый.

Лет семь назад, когда я еще учился в школе, ребята на- шли на сопке большой кусок бивня мамонта и притащили его в школу. Но бивень плохо сохранился, постоянно трес-

кался и рассыпался на слои, похожие на годовые кольца дерева. При этом запах от него шел просто отвратительный. Запах огромного гниющего зуба. В кабинете трудового обучения, под руководством учителя трудового воспитания, или просто трудовика, которого за глаза ученики между собой звали не иначе как Папа Карло, бивень долго пилили, шкурили, шлифовали. В итоге удалось получить небольшой аккуратный фрагмент бивня мамонта, который еще долго красовался в кабине директора школы на красивой подставке из покрытой мебельным лаком лиственницы.

Именно поэтому я поставил бивень подальше от печки, опасаясь, что он начнет оттаивать в «тепляке» и своим стойким амбре надолго «облагородит» воздух нашего временно-го пристанища.

* * *

В «теплек» вошел Яков. Он был в хорошем настроении – успел обслужить бульдозер. Взяв в руки обломок бивня, он стал его вертеть, рассматривая со всех сторон, ладонью счищая с него грязь, пробуя на руке его вес.

– Ну, так куда его денешь? – повторил свой вопрос Валентин.

– Продам! Я слышал, сейчас в Магадане их косторезы принимают за хорошие деньги. Вот и сдам.

– А кому сдавать, как найдешь честного скупщика? Ох,

кинут тебя. Точно говорю – кинут...

– В областных газетах объявлений полно от скупщиков.

Им и продам.

– И что они принимают? Прямо так бивни и принимают? – не унимался Валентин.

– Да все принимают, ты почитай в газете: бивень мамонта и клык моржа, челюсть и ребро кита, рог северного оленя, лося и барана и так далее.

– Прямо барана? Нужны им их рога!

– Рог снежного барана, который у нас в горах бегаёт.

Даже костяной пенис моржа принимают.

– Да ну не смейся, Яшка! Что хочешь сказать, что у моржа ЭТОТ костяной?!

– Ты газету хоть изредка открывай, а не только в домино то стучи! И бивень сдам. Вот им и сдам.

– Да что вы к этому бивню прицепились! Вся игра встала! Давай, разбирай кости. Может, ещё партию успеем сыграть – не выдержал Вячеслав – Тоже мне чудо нашли. Обычный бивень, обычный мамонт. Мы их столько за эти годы выкопали...

– Мамонтов? – вмешиваюсь в разговор, не выдержав.

– Нет, бивней. Хотя и мамонты тоже изредка бывают. Больше «запчастями». Но мы тут мамонтов тушами или кусками не находили. Мы только бивни часто находили. А вот соседи, в Сусуманском районе, мумию мамонтенка выкопали на ручье Дима. Его так и назвали – мамонтенок Дима. По

всему миру возили, сейчас он в Ленинграде, в музее стоит. А в Магаданском краеведческом музее его бетонный слепок. Иногда мужики рассказывали, куски замороженного мамонта выковыривали. Да кому он нужен?

– Как это кому? Это же какой интерес для науки.

– Да брось, кому они нужны, эти кости, когда надо золото добывать. У нас пока воду не подняли в Колыме, еще до строительства ГЭС, полигон был хороший по содержанию металла, недалеко от Ясной Поляны. Юра, помнишь, мы там еще вскрышу вели? Кладбище костей откопали.

– Помню, хороший был полигон, – вздохнул Юрий.

– Расскажите, пока автобус не пришел, он все равно пока задерживается, – прошу Юрия.

Он бывший учитель, много интересного знает, интересно умеет рассказывать. Это он мне показал в одну зимнюю безлунную ночь на темном полигоне все созвездия на небе. Это он мне открыл, что вот эта яркая голубая звезда, низко висящая на востоке над горизонтом, чуть выше сопок, за ночную смену убегающая из одного конца небосвода в другой, вовсе не Полярная звезда, как я ошибочно думал, а планета Венера. А Полярная звезда находится на севере, являясь кончиком хвоста Малой Медведицы, которая, в свою очередь, находится напротив ковша Большой Медведицы. А уж его-то найти на небе проще простого. Все было разъяснено просто и доходчиво, показано наглядно. Но я, к своему стыду, научился находить только созвездие Большой Медведицы, а

от нее уже, предположительно, и Малой Медведицы, с Полярной звездой. Ну и Венеру, да и то не всегда. Остальные созвездия, в том числе зодиакальные, для меня сливались в одно черное ночное полотно, расшитое хаотично, как мне казалось, яркими и не очень звездами.

– Да тут рассказывать то нечего – начал Юрий, – В месте впадения Эльгеньи в Колыму, в районе Ясной Поляны, вскрыли полигон. Совсем рядом с урезом воды Колымы. В хорошие дожди его Колыма часто подтапливала, при подняттии в реках воды, так что наши бульдозеры почти по кабину иной раз в воде работали, пока вода не спадет. Но золото хорошее отходило с того полигона всегда. Причем мыли каждый год на одном месте. И каждый год были с золотым урожаем. Судя по всему, его Эльгенья где-то сверху из какой-то россыпи вымывала, и несла вниз по течению, к нам. А металл оседал на нашем полигоне. Мы промывали – и каждый раз в плюсе были.

– Прямо как «Золотое Руно».

– Вроде того. Понятно, что металл несет сверху, причем золотая россыпь, с хорошим содержанием, где-то совсем рядом, ведь золото тяжелый металл, его далеко не относит, оно сразу садится на дно, да еще уходит вглубь. Вот и решили вскрыть полигон побольше, уйти за контур, вверх по Эльгенье. Время было перед затоплением, с геологией некогда было связываться, надо было быстро и по максимуму взять золото с территории, которая скоро станет дном водохранили-

ща... Начали вскрывать. Вывернули бульдозером целую кучу костей. Древних костей. Много их наковыряли. Целая гора лежала.

– А чьи это были кости? Может, там было кладбище динозавров?

– Сомневаюсь. У нас на практике как раз студент из города был, идейный такой. Он как это дело увидел, никому работать не дал, мол, вызывать ученых надо, тут кости мамонтов, древних оленей, лошадей, верблюдов и шерстистых носорогов! В общем, весь зоопарк нам перечислил. Горного мастера вызвал и сам охранять стал эти кости. Горняк как увидел, за голову схватился – вся работа встала. А полигон хороший, перспективный на золото. И время идет, оно на промсезоне даже дороже золота, ведь лето короткое. Горняк на рацию «присел», сообщил в контору. С кем там говорил – не знаю, но полсмены переговоры вел. Потом с прииска прислали автобус, туда усадили с почестями студента, отдали честь ему под козырек, поблагодарили за бдительность и отправили в контору, писать объяснительную по поводу случившегося. Как только автобус скрылся за поворотом, по команде горняка бульдозерами переваловали эти кости куда подальше, засыпали свежим грунтом от греха да от чужих глаз подальше и стали работать дальше. Как ни в чем не бывало.

– Как же так?! Эти же древние кости наверняка представляли огромную научную ценность для науки, для страны.

– Огромную ценность для страны представляло золото, которое мы успели добыть, пока строители плотины ГЭС не затопили всю пойму Колымы. Самые лучшие ведь места утопили. В пойме самый лучший лес был, лучшие места для охоты, для рыбалки. Одни Санга-Талонские озера чего стоили... А золота для страны сколько еще там могли взять, ты представляешь? А других полезных ископаемых? Теперь не возьмем – все на дне Колымского моря... Сколько поселков затопили, вместе с кладбищами. Стоит ли она того, эта гидроэлектростанция? Не знаешь? Вот и я не знаю...

– Юра, кажется, у нас новый студент нарисовался, – пошутил Вячеслав, – Сажаем его торжественно в автобус и прямой наводкой в контору, за орденом. А костей мы столько уже накопили, тех же бивней, что мама не горюй. И еще накопаем. Вон и автобус подъезжает. Студент – в автобус!

За стеной тепляка было слышно, как мягко зашуршали шины автобуса. Мы вышли из тепляка. После приветствия, каждый переговорил со своим сменщиком и все уселись в автобус. Последним по ступенькам поднялся Яков со своей находкой, которую он небрежно бросил на пол в проход, между сидениями.

– А что, Яша сегодня с премией? – кивнул на бивень водитель, армянин Борис.

– Да, за хорошую работу премировали, за особые заслуги, – подтвердил Яков.

– Теперь часы себе новые купит, – съехидничал Валентин.

– Да тут всем на часы хватит, – подхватил Вячеслав.

– Куплю себе бульдозер новый. Импортный. Блестящий. Никелированный. А вы без часов все обойдетесь – плохо себя сегодня вели, – отрезал Яков.

– Дядь Юр, – обращаюсь к Юрию – неужели никому не интересно было, что за кости были на том полигоне, может там что-нибудь интересное нашли бы. Например, стоянку древнего человека. Ведь интересно же!

– Может и интересно, но представь, насколько бы затянулись эти раскопки. Приехали бы всякие очкарики ученые, археологи, стали бы там годами пинцетами тыкать и кисточками пылинки сдувать. А то и вообще запретили бы там золото мыть. А тут затопление на носу. Поэтому кости предали земле, где им и положено находиться, а пески пропустили через промывочный прибор, изъяли из них драгоценный металл. Не весь конечно изъяли, ох не весь...

– В книжках написано, – продолжал Юрий – что на северах, считай от Архангельска и до Чукотки, ручьи и реки часто вымывали из берегов бивни и даже целые туши мамонтов, которые неплохо сохранила вечная мерзлота. Местные племена их земляными оленями из-за бивней называли. Считали, что их северные божества на этих животных под землей ездят. Так местные коренные народы мерзлым мясом мамонта кормили своих собак, а иногда и сами его в пищу употребляли. Так что этот зверь у нас не редкость.

– Ты если так бивнями интересуешься, – наклонился ко

мне Вячеслав, – спроси о них у Витальки Бутылина, он заядлый охотник, все распадки и горы облазил. Говорит, что где-то в тайге шестиметровый бивень мамонта прячет. Но вам вдвоем такой не унести – пуп развяжется. Там вездеход нужен. Хотя Виталька тот еще враль, ты его знаешь...

Витальку я знал. Как местного Барона Мюнхгаузена. Он любил похвастать и приврать про рыбалку и, особенно, про охоту. Он всегда рассказывал, что поймал вот такую рыбу и убил вот такого зайца, широко разводя руки. И совсем не обижался, когда мы подшучивали над ним по этому поводу. Однажды он рассказывал, что когда охотился на северных оленей в районе Эльгеньёвских озер, то ему конкуренцию составили крупные волки. Одного волка он добыл на той охоте. В ответ на наши шутки, по этому поводу, он показал фотографию, на которой он, собственной персоной, лежит в полный рост на светлосерой шкуре крупного полярного волка. Если учесть, что рост Витальки был под метр девяносто, то при жизни это был воистину матерый хищник. Особо недоверчивые из нас ходили домой к Витальке, где он охотно с гордостью демонстрировал эту шкуру всем желающим. Пока не продал ее кому то в город. Об этом случае я и напомнил собеседникам.

– Конечно, тут были волки, они всегда за стадом оленей ходят, периодически режут их – поддержал беседу горняк Гена – те же Эльгеньёвские озера отсюда, от этого полигона, начинаются километрах в двенадцати. Ближайшие из них.

Мы года два назад здесь охотились, так как раз на месте полигона одно звено якутского совхоза «Оротук» пасло своих оленей. У них было несколько бригад. Представляешь, какая красота, когда по долине несется, как лавина, стадо в четыре тысячи голов. Какой гул стоит от шестнадцати тысяч копыт! Завораживает. Так вот якуты к нам сразу с оружием подошли, кто мы и что тут делаем, а то браконьеры много оленей у них тут постреляли с тех пор, как дорогу сюда отсыпали от Эльгеньи. Очень злились, мы ведь тоже при оружии были. Серьезный конфликт назревал... Пришлось соврать, что мы геологи, будем тут полигон зарезать, проводим предварительный осмотр и обмеры. Они только смеялись, что никто нам этого не разрешит, ведь тут земли сельхозназначения, под выпас олешек. А оно видишь, как получилось, когда золото нужно, так и оленей подвинули, аж за озера. Золото важнее всего, выходит. Ради него все мы тут и работаем, все тут и живем. А долина для выпаса оленей тут и в самом деле шикарная. Была... Пока мы сюда дорогу не отсыпали и рыть землю не стали.

Автобус тронулся. Минут через десять усталость взяла своё. Все притихли, некоторые начали дремать. На полу обычного рабочего автобуса, лежал кусок бивня мамонта, кусок истории, как привет из далеких тысячелетий. Возможно, по нашему маршруту несколько тысяч лет назад не спеша брел по этой долине обычный мамонт с обычными бивнями. А может и целое стадо мамонтов. И не было в этом событии

ничего удивительного или шокирующего. Жизнь идет своим чередом. Ну что тут скажешь – обычный мамонт. Чему удивляться?

06.04.2019 г.

Скважины с секретом

* * *

На сегодня работы было не много – почистить дорогу от экскаватора до отвала, куда «Белазы» вывозят вскрышу – пустую горную породу, лежащую над золотоносными песками. Работа не сложная – прицепил к фаркопу бульдозера трос, на другом конце которого закреплен «утюг» – простое самодельное устройство для очистки дороги – и проехал по указанному маршруту.

«Утюг» представлял из себя старую гусеницу от бульдозера, к центру которой привязан трос с петлей. Оба конца гусеницы прикреплены к старой штанге от бурильного станка. Гусеница лежит на боку, на торцевой части прикрученных к ней «башмаков». Вся конструкция образует из себя равнобедренный треугольник, весом около двух тонн. Штанга не дает гусенице при движении сложиться вдвое, образуя основание треугольника. А его вершина прикреплена тросом к бульдозеру. По виду напоминает утюг. И работает также, ведь когда тащишь за собой эту конструкцию, то она отбрасывает от себя по обе стороны от дороги валуны и рассыпанный из кузовов «Белазов» грунт. Заодно, благодаря своей

массе, ровняет дорогу. Ширина основания «утюга» позволяет захватить всю проезжую часть. На отвале делаю широкий круг вдоль всей его кромки и возвращаюсь назад, к экскаватору, повторно ровняя дорогу. Где и оставляю «утюг», в стороне от дороги. Экскаваторщики в моей помощи не нуждались.

Экскаватор второй день стоит на плановом ремонте – экипаж меняет в его чреве какую-то огромную шестерню, всю густо обмазанную липким солидолом. Поэтому «Белазы» еще вчера уехали на другой полигон, где активно ведется вскрыша горных пород. И вот я беспрепятственно катаюсь по дорогам этого полигона, ведь можно не прижиматься боком к борту узкой дороги карьера (да еще с

«утюгом» на сцепке), серпантинном выющейся с глубокого дна полигона на самый верх отвала, не пропускать широченный натужно пытящий карьерный самосвал, с трудом везущий в гору несколько десятков тонн мерзлого грунта, чтобы избавиться от него на вершине отвала, сделав его, этот отвал, еще выше.

Попутно проверил, не надо ли разваловать насыпанный «Белазами» грунт на вершине отвала, формировать бровку по его краю, чтобы «Белазы» при разгрузке, сдавая задним ходом, упирались в нее задними колесами и не пытались кувыркнуться с отвала, что иногда тоже случается.

Но гораздо чаще бывало, что сдавая задним ходом, эти богатырские машины сносили кузовом кабину бульдозера,

формирующего бровку на вершине отвала. Многие из наших бульдозеров имели такие повреждения, в том числе и тот, на котором мне сейчас пришлось работать. Простой экипаж бульдозера выровнял, как мог, стойки кабины, снова ее застеклил, но одно небольшое боковое стекло невозможно было вставить из-за сильной деформации и окошко просто заварили листом металла, что слегка мешало круговому обзору.

Но если наша машина пострадала не сильно, то гораздо больше не повезло нашим коллегам, которым «Белаз» целиком снес кабину и погнул рычаги в кабине. Хорошо, что бульдозерист успел выпрыгнуть из кабины. Поэтому из людей никто не пострадал. Было забавно видеть, как они своим ходом гнали свой бульдозер в поселок, на ремонт. Бульдозер был без кабины... Конечно, мы позубоскалили, что у них теперь летний вариант, как в Африке, чтобы жарко не было. Посоветовали только брезентовый тент от солнца и тропических ливней привязать на четырех жердях над головой.

Поэтому, работать на отвале совместно с выгружающимися «Белазами» я опасался. Старался работать с одного края отвала, когда они выгружаются на другом. Потом мы

менялись местами. Внимательно старался следить за маневрами этих грузовиков на отвале, особенно задним ходом и выдерживал от них максимально возможную дистанцию.

Признаться, работать под экскаватором, первое время тоже было страшно. Он грузит «Белазы», периодически

с кузова ссыпаются излишки грунта, ведь загрузка кузова идет максимальная. Так как самосвалы подходят непрерывно один за другим, то скоро грунта под колесами накапливается приличный объем и периодически надо его подчищать бульдозером, подавая в забой, к ковшу экскаватора. А если учесть, что пятикубовый ковш этого монстра по объему превышал объем кабины моего бульдозера, в которой я в тот момент находился, то можно представить, какие чувства испытываешь, наблюдая как этот ковш стремительно летает перед самым твоим носом. Но надо честно признать, что на моей памяти покушений экскаватора на бульдозер не было.

Проезжая мимо бурильного станка «СБШ» вижу, что и тут я не нужен. Полка для бурения у них уже зачищена, они приступили к бурению. Перетаскиваю по просьбе бурильщиков передвижную подстанцию, бухту кабеля и возвращаюсь назад, в «тепляк». Горняк с утра бегал по полигону, сейчас его не видно. Наверное, в «тепляке» уже. Хотя до обеда еще два часа, у меня тут работы нет. Посмотрим, что горняк поручит теперь. Может на базе есть работа по хозяйству или за сухостоем на дрова надо выехать. Хотя сейчас уже весна, дров мало уходит, не то, что зимой. Тем более, что электрокалориферы в «тепляке» установили.

* * *

– Уже вернулся? Это хорошо, что быстро управился –

встретил меня горный мастер Иван Иванович, когда я вошел в «тепляк».

– Не в службу, а в дружбу – сгоняй к разведчикам. Тут недавно их работник приходил, справлялся, когда автобус в поселок поедет, продукты заканчиваются. Я сказал, что на три часа, как обычно. Но по радиии только что сообщили, что не будет его сегодня – на шахту что-то повезли. Если надо в поселок – пусть сейчас подходит. С обедом может на автобусе до столовой Эльгеньи доехать. А там попуткой до Мой-Уруста. Если сильно надо.

– Хорошо, только я пешком схожу, а то надоело на бульдозере трястись...

– Давай! Не долго, смотри. Я бы сам сходил уже, да видишь...

Я видел, что Иван Иванович сидел обутым в один левый валенок, закинув правую ногу, обмотанную в портянку, на левую. Правый валенок он держал в руках, подшивая его подошву двойным войлоком, с помощью суровой нити и шила с крючком на конце. Левый валенок уже был подшит и сидел на ноге как влитой.

– Вот! Учись! В жизни всегда пригодится, – перехватив мой взгляд горняк, продемонстрировав свое рукоделие.

– И вообще, поступай в институт, учись на горного мастера. Или геолога. Образование всегда в жизни пригодится, – закончил он свою беседу.

– Иван Иванович, а сколько вы получаете на руки, если не

секрет? – остановился я в дверях «тепняка», уже собираясь выходить.

– Сейчас рублей четыреста, во время промсезона побольше.

– А у меня сейчас на бульдозере по пятому разряду семьсот-восемьсот получается, летом на промывке, когда план по промытым кубам выполняем, и при этом золото хорошее отходит, то и полторы тысячи было как-то. Зачем мне тогда учиться? Какой смысл пять лет в общаге полуголодному отираться и язву зарабатывать?

– Образование тебе все равно нужно, оно в любом случае не раз тебе в будущем пригодится, выручит тебя – сам увидишь, – Иван Иванович продолжал терпеливо наставлять меня на путь истинный.

– А ответственность?! В прошлый промсезон во время дождей дамбу прорвало, грязная вода в Колыму пошла. Кого рыбнадзор тут же наказал? Горного мастера. А в этом году? На шахте, в компрессорной, на горке, рация стояла, для лучшей связи. Из конторы срочно указали компрессорщице горняка найти, чтобы он вышел по рации на прииск. А он в шахту только спустился. Та побежала его догонять, когда перелезала через тросы лебедки и взялась за них рукой, скреперист начал пески «на гора» выдавать и отхватил ей тросом два пальца. Как пилой. Она же не знает сигналов, что подаются при начале движения лебедки или ленты на конвейере. Скреперист ее даже не видел. Опять горного мастера нака-

зали. Хорошо, хоть не осудили. Хотя он там вообще последней стороной был...

– Все равно образование нужно для развития кругозора, – не сдавался Иван Иванович.

– Я кучу газет и журналов выписываю. Книжки читаю, телек смотрю. Вот по работе постоянно что-то новое все время узнаю. От прииска можно раз в год бесплатно на курсы ездить, новую профессию приобретать. Каждый год по профессии! – аргументирую я, в свою очередь.

И я действительно так считаю. Ведь проработав полный год на прииске, можно выехать в райцентр, соседний райцентр или областной центр на курсы. Получить на них специальности машиниста бульдозера, тяжелого импортного бульдозера, автопогрузчика, бурстанка, машиниста экскаватора, водителя карьерного самосвала «Белаз», выучиться на подземщика (шахтера), взрывника и так далее. Еще целый ряд рабочих специальностей. Учеба полностью оплачивается прииском. И даже зарплату по среднему платят. Поэтому, на учебу ездили после промсезона, хорошо подняв средний уровень зарплаты. Да и сами курсы всегда осенью и зимой проводились, ведь летом у нас на промывке песков каждая пара рук на счету. А потом стажировка по полученной специальности на прииске. Опять же с

выплатой среднего заработка. Хотя, при желании, можно было вполне выучиться и за свой счет. Даже не верится, что такое когда-то и где-то могло существовать. А ведь было. И

эта отлаженная система работала как часы. Поэтому работники у нас на прииске работали грамотные, квалифицированные, имея по десятку и более специальностей. И это только официально.

Конечно, это касалось не только нашего прииска, а всей Магаданской области, включая Чукотку, входившую в те времена в ее состав и территориально составляя две трети области. Были и свои нюансы. Например, я не мог выучиться на водителя «Белаз», вообще не имея, до этих курсов, прав на вождение автомобиля и не имея стажа работы на грузовике. Да и на обучение на дорогостоящую импортную тяжелую землеройную технику старались направлять бульдозеристов, имеющих стаж работы на наших родных Т-130, Т-170 Челябинского тракторного завода (ЧТЗ).

– Ладно, иди уже, а то время идет. На обед не опоздай. Позже договорим, – все-таки Иван Иванович не собирался сдаваться, несмотря на всю свою кажущуюся мягкость характера.

* * *

На улице ослепительно светило майское солнце, но снег на полигоне и, особенно на сопках и в горах, еще не собирался таять. Дальше нашего «тепняка», примерно метрах в пятистах, стоял стихийный передвижной поселочек геологоразведчиков. Не то, чтобы поселочек. Пять или шесть пе-

редвижных геологических вагончиков на железных санях, бульдозер, цистерна под дизельное топливо, тоже на санях, станок ударноканатного бурения на гусеничном ходу, похожий в работе на огромную швейную машинку. Грохот и гул от падающего при работе в вечную мерзлоту многотонного снаряда стоял на всю округу.

Но сейчас там было на редкость тихо, людей не было видно, техника вся была заглушена и замерла на своих местах. Даже не было видно их веселого черного кобеля, который лихо ловил кубик сахарарафинада, предварительно положенного хозяином ему на нос. После чего выжидалась минута, у собаки глаза сходились к переносице, следя за любимым лакомством, из полуоткрытой пасти текла слюна. После команды хозяина «Можно!» пес выдергивал из-под кусочка сахара морду и тут же ловил сахар ртом, в воздухе, звучно хлопнув пастью, к всеобщему одобрению окружающих. Интересно, что ни разу я не видел, чтобы пес съел сахар сам, без разрешения. И ни разу он не уронил ни одного кусочка на пол.

По пути меня сопровождали брачные песни самцов куропаток. Отовсюду я слышал эти глухие вздохи «Квохквох!», но не видел самих птиц. Они еще были в белоснежном оперении и хорошо маскировались на фоне белого снега.

Я замедлил шаг, потом вовсе остановился. Вот и появились из кустов сами куропатки. Их было около десятка, и они постоянно двигались, не останавливаясь ни на минуту. Самочки чуть мельче, изящнее и совершенно белые. Самцы

заметно крупнее, с широкой грудью и с огромными яркими бровями красного цвета. Это брачный наряд, перед такими красавцами самки не смогут устоять, хоть и делают вид, что им безразличны эти песни и танцы таежных петушков. А петушки совсем разошлись, танцуя друг перед другом и не замечая меня, замершего в десяти шагах от них. Интересно, до драки у них дойдет?

Чтобы не маячить столбом посреди чистого поля я присел. Зря я это сделал. Мои движения испугали куропаток и они, правда не особенно торопясь, убежали за ближайший сугроб, из-за которого снова слышалась их возня и квохтанье.

Через несколько минут я уже был возле вагончиков разведки. Но рядом никого не было. Наконец недалеко от бурстанка я увидел одинокую человеческую фигуру, выделяющуюся темным пятном на слепящем белом снегу. Возле станка расчищена бульдозером от снега площадка и небольшая просека в чахлой болотной растительности. По этой просеке, как по линейке стояли в пробуренных скважинах вешки геологоразведки, с затесанными на них небольшими участками, на которых были написаны какие-то буквенные и цифровые пометки, понятные, наверное, только тем, кто их тут оставил. Да, вот это работа! Всегда завидовал романтике геологоразведки. Постоянно в тайге, в движении, новые места, природа.

– Здорово! Горняк просил тебе передать, что трехчасово-

го автобуса сегодня не будет, в другое место забрали. Сейчас обед в «тепляк» привезут из столовой Эльгеньи. Можно с ними доехать до поселка, а там до Мой-Уруста еще километров двадцать попутку ловить... – выкладываю, подойдя к склонившемуся над скважиной разведчику, с которым всю зиму проработали рядом и уже хорошо знакомы.

– Привет! Тогда не поеду. Записку с тобой для горняка вашего передам, пусть по рации передаст, а мне из поселка с автобусом ночной смены передадут продукты по списку.

– А где все ваши? Собачка сладкоежка где?

– На майские праздники уехали домой. И Кучума забрали. Мы тут со станком почти все закончили по скважинам. И разведшахту на руддвор посадили. До настоящего тепла успеем два небольших штрека пройти в разные стороны от руддвора, разведку сделаем, уточним некоторые данные. Пески из штреков выдадим, в отвал соскладируем, а летом промоем.

– А сам чего остался? Сторожить имущество и технику?

– И сторожить, и кое какую работу доделать, – он кивнул на ведра с грунтом, которые только что собрал лопатой у скважины, когда я подходил к нему.

– Не пойму смысла работы...

– Эх ты, сразу видно – не геолог! В ведрах пески с этой скважины. Сейчас я их подсыплю вокруг вон тех скважин.

– А там что, своих песков нет? – вижу, что понимаю все меньше его логику.

– Нет там песков. Вскрыша там...

– Все равно не понял.

– Объясняю, может еще в жизни пригодится. Скважина, которая обсыпана песками – там мы до песков добурили и взяли пробу. А вот куда я пески досыпаю, там не добурили. Там вокруг скважины только грунт от вскрыши насыпан. Вот я его и «облагорожу». Никакой геолог не догадается. После праздников геолог приедет работу принимать.

– Зачем? Получается, что работа не доделана до конца и данные разведки не точные будут.

– Они никогда точными и не бывают. Сколько здесь находится золота, сможет сказать только тот, кто его здесь закопал.

– Но ведь это не совсем честно...

– А потвоему честно, что мы тут в тайге, да на болоте круглый год живем, летом гнус нас жрет нещадно, семью свою не видим по полгода и более. А получаем за это копейки. Это честно? А нам еще расценки срезают. Вот и приходится приписывать проходку скважин, чтобы план выполнить. Выход всегда есть.

– Так вам не за разведанное золото платят, а за пробитые метры скважин?

– За них.

– А если бы платили за золото?

– Смотря как платили бы. А то глядишь, пришлось бы скважины уже подзолачивать...

– А золото где брать, чтобы их подзолачивать?

– Да намыли бы. В элементе. Вон пески с шахты промы-
вали бы, часть намытого золота в скважины пошла бы.

– Хорошо. Приезжает геолог и меряет скважину. А она не
до песков забурена. Что ответишь ему?

– Скажу, что скважина осыпалась, за это время. А сей-
час тепло, снег тает, вот еще и оплыла часть скважин, а пес-
ки, что в скважине были, вот вокруг скважины и рассыпаны,
проверяйте – разведчик театрально разводит руками.

– Ну, хорошо, подстраховался на все случаи жизни. Не
подкопаешься. Но самому то не противно за такую работу?

– Да как тебе сказать? Поначалу да, неприятно было, даже
до сих пор осадочек, мутный такой, на душе остается. Но с
другой стороны посмотри – какое тут болото. Если бы мы
зимой его не проскочили, то летом это был бы мрак, а не
работа.

– Почему? Комары и мошка на болоте?

– Не только. Тут же не забуришь летом. Скважина сразу
оплывает в болоте. Ее сразу водой заливают, борта обвали-
ваются, а обсадных труб у нас не предвидится. Невозможно
бурить. К тому же мы как-то подобное место бурили летом,
когда станок тонет в нем, а после каждых десяти ударов при-
ходится новый плот под ним из листовенницы строить и ста-
нок домкратами вертикально выставлять. Тогда бы мы точ-
но ничего не прошли. И не разведали. И не заработали бы
ничего.

– А вдруг ваши данные не сойдутся с реальностью? Вы покажете золото, а его тут нет. Или наоборот, хорошее золото пропустите. Не добурите...

– Не переживай, мы же не каждую скважину не добываем. А выборочно. Просто сетка увеличивается, точность немного снижается. Немного – запомни! Вот вы полигон сейчас отработываете. Там хорошее содержание?

– По-разному, на разных промприборах. Но в среднем 1,6 грамма на куб, со слов геологов. Иногда выше, хоть и редко. Нормально. Хоть и не то, что было при освоении Колымы в сороковые-пятидесятые годы.

– Примерно это содержание мы вам и отдавали после разведки. Тут тоже надо с умом работать. Тогда и вы с золотом будете, и мы с зарплатой. И государство с разведанными запасами. Главное – не наглеть. И головой думать.

– Все равно, как-то не нормально это...

– Вся жизнь не нормальная. Ты вот скажи – ваш прииск хорошее золото берет по данным нашей геологоразведки?

– Да, в принципе, нормальное. Нам, чтобы выжить, надо в год намывать по килограмму на рабочего прииска. Где-то так и берем с шахт и полигонов.

– Хватает? – разведчик достает из кармана записную книжку и карандаш, что-то пишет в ней.

– Скромно, но хватает. У нас расходы большие. Содержим приисковые дороги (до этого, самого дальнего, полигона километров сорок), школуинтернат, в которой учатся дети из

соседних поселков, где нет школ или только начальные школы в три класса, каменный детский сад в три этажа отгрохали, содержим зимой зимник через Колымское водохранилище, летом паромную переправу через него же – целая флотилия и паром, грузоподъемностью на двести тонн. Еще подсобное хозяйство есть. Ну и за последние десять лет почти новый поселок построили, перед затоплением Ветреного и Сибика. Может, что еще забыл.

– Вот видишь, как всё у вас чудесно и замечательно, а ты меня стыдишь... Передай горняку, – он вырвал исписанный лист из записной книжки и отдал мне, сложив вчетверо.

– Слушай, а ты не боишься мне такие вещи вот так просто рассказывать? – интересуюсь у разведчика, убирая в карман его записку.

– А кто тебе поверит? Меня тоже не проверишь, ты же это сам понял. Проверить меня можно только «кукуя» тут со мной, в тайге, на вахте. А этого никакие «шишкари» не любят, они любят только умничать, какие они правильные, да глотку рвать в уютных теплых кабинетах.

– А жаль.

– А жаль. Побыли бы тут, в поле, может и в самом деле пересмотрели и условия труда, и условия оплаты. Тогда бы что-то к лучшему изменилось. И я бы не оправдывался тут перед тобой.

– А поменять место работы не пробовал?

– Пробовал... У вас там, в поселке, старательская артель

одна есть «интересная». Я там сезон едва отработал. Потом обратно в разведку ушел.

– В артели тяжело работать.

– Не то, что бы тяжело только физически по двенадцать часов в день пахать. Климат там гнилой. Как на «зоне» отсидел. Ну, ты понял, про какую артель я говорю? По глазам вижу, что понял.

– Понял... – я действительно понял, про что он говорит. Это была недавно созданная большая артель старателей, с мощной базой, обилием техники, своим подсобным хозяйством.

Иногда их бульдозеристы заходили к нам в цех, где мы стояли на ремонте, спрашивали какой-нибудь сальник, шланг или другую мелкую запчасть. Если они у нас они были в наличии, то мы делились. Иногда мы, в ответ, по этой же причине, заходили к ним. Они нам тоже не отказывали. Если речь шла о чем-то более существенном, тот тут уже шел обмен или договоренности на уровне наших механиков. Отношения были с обеих сторон дружелюбными. Зарабатывали мужики этой в артели поначалу тоже неплохо, хотя и не запредельные суммы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.